

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 131–172. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 398.541

DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-131-172

ГРОМОВНИК ПО ПОВЕРЬЯМ И СКАЗАНИЯМ ПЛЕМЕН ЮЖНОЙ СИБИРИ И СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ^{1,2}

Г.Н. Потанин

Для цитирования: *Козин С.А.* Громовник по поверьям и сказаниям племен южной Сибири и северной Монголии // *Российская тюркология*. 2024. № 3–4 (44–45). С. 131–172. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-131-172.

The Thunderer according to beliefs and folk tales of tribes of Southern Siberia and Northern Mongolia

G.N. Potanin

For citation: *Kozin S.A.* The Thunderer according to beliefs and folk tales of tribes of Southern Siberia and Northern Mongolia // *Russian Turkology*. 2024. № 3–4 (44–45). P. 131–172. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-131-172.

I.

Выдающееся место между явлениями природы, наводившими ужас на первобытного человека и потому послужившими основой для образования мифов, занимает грозовое явление, реализацию которого в мифе у нас принято называть «Громовником». О том, как отразились представления о грозовом явлении в мифах северной Азии, нам мало известно за исключением того, что сказано об этом Кастреном в его «Финской мифологии». Вклад, сделанный Кастреном в науку, относится преимущественно к финнам Финляндии; шаманского же мира Сибири Кастрен касается в своей книге только мимоходом, при случае, когда ему нужно осветить темные места в верованиях прибалтийских финнов. Мы попытаемся пополнить сведения об этом предмете, сделав свод представлений о Громовнике преимущественно по сказаниям и поверьям южной Сибири и северной Монголии.

---

¹ Перепечатано с: *Потанин Г.Н.* Громовник по поверьям и сказаниям племен Южной Сибири и Северной Монголии // *Журнал министерства народного просвещения*. Пятое десятилетие. Часть ССХІХ. – С.-Пб., 1882. – С. 116–167.

² В настоящей публикации за небольшими исключениями технического характера сохранена орфография и пунктуация источника. Ссылки на литературу приведены к современному формату и добавлены в угловых скобках. – *Прим. ред.*

Что гром монголы приписывают «Лу», то есть дракону, это известно из многих путешествий по Монголии. По более подробному поверью, Лу есть только подседельное животное, на котором разъезжает Тэнгри-хан, или просто Тэнгри. На вопрос: что производит гром? – монголы отвечают различно; кто скажет, что это Лу, кто – что это Тэнгри. О самом Лу представления также различны; самое распространенное, конечно, поддерживаемое рисунками на китайских знаменах, есть то, что это – змей, но от одного халхасца мне довелось услышать, что есть и такое мнение, будто это – шаман, а также другое, что это – верблюд, на котором сидит человек, бьющий в бубен. Урянхайцы вместо Лу говорят Улы и вместо Тэнгри-хан – Терь-хан; последнее имя вполне соответствует монгольскому, потому что урянхайцы, вместо монгольского тэнгри, небо, произносят терь. Монголы к имени Тэнгри прибавляют иногда Хурмусту; они говорят, что во время грозы на Лу ездит Тэнгри-Хурмусту-хан. Что Хурмусту было именем Громовника, показывают некоторые места в сказках и былинах; в напечатанной мною сказке о Боролдае-Ху <Потанин 1881б: 171> Гурбустэн-хан (который, вероятно, есть то же, что Хурмусту-хан) заменяет Гром-батюку русских сказок, представляющихся вариантами Боролдая-Ху; в конце сказки Гурбустэн-хан убивает молнией темную силу Мангыса. В дорбютской былине о богатыре Ирин-Сайне Гучин-Гурба-Гурбустэн-хан также является мечущим молнию с неба <Известия 1881: 175>. Алтайцы приписывают гром и Улы, и Кайракану. Во время грома алтайцы произносят: «Кайракан!» вроде того, как у нас простой народ говорит в это время «Свят, свят, Господь Саваоф». Под Улы алтайцы, подобно урянхайцам и монголам – насколько могу судить из своих скудных расспросов, – разумеют змея.

К этим именам мы вправе присоединить монгольское «Хаирхан», хотя и не имеем прямого указания, чтоб этим именем назывался гром. Это причисление хаирхана к именам Громовника мы основываем на следующих соображениях: во-первых, хаирхан фонетически вполне соответствует алтайскому кайракан; татарский звук *к* в монгольском постоянно переходит в *х*, как, например, *кара* – черный – в монгольском *хара*, *ку* – лебедь – в монгольском *хонг*, и т. д. Во-вторых, выражение «э, хаирхан!» существует и у монголов, хотя я слышал его употребляемым только для показания своего удивления, например, при рассказе о чем-нибудь необыкновенном. В-третьих, хаирханами в Монголии часто называются горы или небольшие, но уединенно стоящие посреди равнины, или, хотя и стоящие в ряду других, но выдающиеся значительно своею высотой. Иногда такие высоты бывают покрыты вечным снегом. В северо-западной Монголии есть несколько таких уединенных белков, как, например, Харкиринский белок к востоку от озера Убса, Биту-Ерик и Алтын Чучей – на правом берегу реки Кобдо, Теректинский белок – на правом берегу реки Буянту к востоку от города Кобдо, Отхан-Хаирхан – к северу от города Улясутая и т. д. Такие высокие горы, покрыты ли они вечным снегом или нет, имеют свойство притягивать к себе грозовые облака. Часто на равнине в течение целого месяца стоит ясная погода, а на соседнем белке, верстах в тридцати или сорока, чуть не через день разряжается гроза, гремит гром, идет дождь или град. Мы сами были часто свидетелями подобных картин, когда жили в монастыре Улангоме. Такие горы пользуются особым уважением не только у шаманистов, но и у буддистов. Окрестное население выбирает какую-нибудь возвышенность поблизости высокой горы, насыпает здесь «обо»,

то есть кучу камней, и собирается около нее в известные дни года, причем ламайты читают молитвы, а шаманисты приносят жертвы. Шаманисты – насколько я понимаю их мысль – признают самый белок за источник грозового явления; для них белок также гремит, проливает дождь и сыплет град, как для нас по крайней мере грамматически вулкан бросает золу и бомбы, изливает лаву и производит гул и землетрясение. Шаманист отождествляет высокую гору или белок с самим громовником. Для отличия одного хаирхана от другого к нарицательному «хаирхан» прибавляется собственное имя; таким образом, в северо-западной Монголии находим горы под названием Дзун-Хаирхан, Батыр-Хаирхан, Отхан-Хаирхан, Хотгун-Хаирхан, Бур-Хаирхан, Бурен-Хаирхан, Онго-Хаирхан, Тельгир-Хаирхан, Тос-Хаирхан, Баин-Хаирхан, Цаган-Хаирхан, Курён-Хаирхан и многие другие. Небольшие горы с названием хаирхан также встречаются, но реже; мы знаем, например, Табын-Хаирхан, Талэн-Хаирхан; нельзя не заметить, что эти низкие хаирханы носят эпитеты простые; Табын-Хаирхан в переводе означает «пять хаирханов» (тут действительно пять отдельных высот), Талэн-Хаирхан – «равнинный хаирхан»; у высоких же хаирханов эпитеты, по-видимому, старинные, мифологические, утратившие смысл, а если последний иногда и замечается в них, то должен быть объясняем позднейшим домыслением народа. Поэтому перенос имени хаирхан на невысокие горы, вероятно, есть явление исключительное; главным же образом под хаирханами разумелись высокие, тученосные горы. Хаирхан, как название для гор, встречается, кажется, только в западной Монголии, в Хангае и Алтае; в Тянь-Шане мы это имя совсем не слышали; на севере границей распространения этого названия служит Танну-Ола; в этом хребте я знаю только два хаирхана; в долине Улу-Хэма стоит отдельная каменная гора Кайракан, но это уже собственное имя, и никакого эпитета к слову кайракан не приставляется. Другой Кайракан в Танну-Оле стоит в вершинах реки Самгалтая³. У урянхайцев и алтайцев для высоких гор, которым делается поклонение, существуют уже другие имена; урянхайцы называют их адыкту, алтайцы – джайкту или иикту, но об этих словах мы скажем особо. На востоке в хребте Алтая хаирханы встречаются довольно далеко; так, гора Того-Хаирхан упоминается между хребтами Гурбань-Сайхан и Муни-ула (под 44° с. ш.). Итак, на первый раз мы имеем для бога-громовника имена: 1) Тэнгри-хан, в урянхайском произношении Тэрь-хан, 2) Хаирхан, в алтайской и урянхайской передаче Кайракан; 3) Хумусту или Гурбустан-хан и 4) Лу, в алтайской и урянхайской передаче Улы.

Остановимся сначала на имени Тэнгри-хан. Слово тэнгри, произносимое также тэнгир, по-монгольски означает небо, так что Тэнгри-хан может быть переведено: небо-царь (или небесный царь). Это слово производит ряд диалектических видоизменений, обусловленных или переходом гласных, или свойством турко-монгольских языков изменять носовой звук *ng* в *g*, *n* или в *й*, и наконец, совсем опускать его; приводим здесь список этих видоизменений: тангара – небо и бог по-якутски; тенгере – небо, каан тенгере – царь-небо по-алтайски; тэнгри-тагали – бог, обитающий в небе, у казанских татар. Тегри – небо у кондомских черневых татар; (Тыгири-тижи – зубы неба, название гор в вершинах р. Томи);

³ На карте г. Орлова, сопутствовавшего нам в северо-западную Монголию в 1879 г., назначены горы Хаирхан на правом берегу Ха-кема, против устьев Седзена и Джибея.

Тегер-куль – (инородческое имя Божьего озера в Томской губернии); терь – небо, по-урянской; торум – небо и Бог по-остяцки; тора – высшее божество по-чувашски. У простых неграмотных киргизов встречаются выражения тайр джарылгасун! (да возблагодарит тебя небо!); ой тайрай, восклицание при удивлении чему-нибудь; вероятно, первоначально было: ай тангри (о, небо!). Можно полагать, что название тэнгри сначала обозначало не одно небо, но небо и гром вместе, и есть слово звукоподражательное; первобытный человек едва ли был в состоянии при первоначальной бедности языка дифференцировать понятие о небе от понятия о громах.

В подтверждение мысли, что это слово звукоподражательное, привожу факты, свидетельствующие, что тот же корень распространен во многих словах туркских языков, которые должны обозначать гром, треск или вообще звук.

В алтайском языке есть несколько глаголов этого корня, которые для наглядного представления их параллелизма я располагаю в виде следующей таблицы:

канградып јат	шанградып јат	
кунгрэдып јат	шингрэдып јат	тюнгрэдып јат
кункэльдэдып јат	канкылдадып јат	тюнкелдадып јат

Все эти глаголы передают различные звуки, громы и трески. «Канградып» говорят о громах, о колоколе, «кунградып» – о большом колоколе, шинградып јат говорят тогда, когда хотят сказать, что звенит колокольчик под дугой, кункэльдэдып говорится о громах пустой бочки, которую везут в телеге или о самой телеге, когда едут по замерзшей земле; тункэльдэдып говорят о звуках бубна; подобные же оттенки, которые я, к сожалению, не записал, передаются и формами тюнгрэдып, шанградып и шанкылдадып (от последней через опуск носового *n* образован глагол шакылдадып, чакать).

В языке казанских татар также есть слово этого же корня анграша; говорится о реве медведя. У котонов на озере Убса глагол чингир – звать, кричать; у койбалов: kègararben, keigarerben – звать; kèigalîrben, kyigalîrben – кричать, keiga – крик <Castren 1857a: 155–157>, у карагасов: kègararmen – звать, кейшкерармен – кричать. У алтайцев кричать – кыйгыр, кыйгыра, о птицах – пойыра, во время охоты на зверей – агыр <Грамматика 1869: 45, 34>; звать – кычыр; о ревушем медведе алтайцы говорят багра. У киргизов звать – чакыр, кричать качкыр. У якутов ыгыр, звать; сангар – звать, кричать; возвышать голос <Böhtlingk 1851: 29, 152>; у урянхайцев: ыт ынгырер – собака лает (на языке черневых татар ынгыр – колокольчик <Золотницкий 1875: 15>); у алтайцев чынгыр – сморкаться; у чувашей шынгыр – сморкаться <Там же: 109>, отсюда чынгыр, алтайское сопля; по-чувашски манга, по-татарски мангка сопля; мангыл чув. сопливый; у тазовских самоедов лангурум, лангурм, у енисейских остяков leungaro, leungado – кричать, у юраков handau (handau), у енисейских остяков кангабо, leungaro звать <Castren 1855: 265, 276>.

К этим глаголам можно присоединить звукоподражательные междометия: монгольское хангир-чангир вроде нашего трын, трын!; алтайск. шангыр-шунгур – звон; ынгыр-чынгыр – скрип <Грамматика 1869: 34, 289>; манджурск. кунгур-кангар – гром, треск от пустых экипажей или от небесного грома <Захаров 1875: 289>; казанск.-татарск. шингыр-шангыр <Золотницкий 1875: 15, 80, 100>, чувашск. чангыр-чангыр – звон меди (ср. якутск. лынгкыр – звон) <Böhtlingk 1851: 151>.

Понятие о небесном громе передается так: у алтайцев: кузуре, кугуре – гром гремит; кузурт, кугурт – гром <Грамматика 1869: 20>; у койбалов *kügürt* – гром, *kusurîben* – греметь (о громе); у сойотов *тунгурип* – гром; у карагасов *dîr* <Castren 1857a: 99, 138>; у киргизов *кунь кунгрёды*, *кунь куркрёды* – гром гремит; у хамийцев и у крымских татар *кунь кургульдейды* – гром гремит⁴; у чувашей *кундурдэдэть* <Золотницкий 1875: 200>; у крещеных татар *тәнгре бабай кукрәтә* – небо-дед гремит; у горных черемисов *кудурча* – гром гремит; у вотяков: *гудыры* – гром. Тот же корень встречается во многих существительных именах для предметов, имеющих какое-нибудь отношение к звуку: *конгру*, *конгору*, по-алтайски *колокольчик*⁵; *кынграу* – по-татарски *id.*, *шынграв* – по-чувашски *id.* <Золотницкий 1875: 109>; *хонгро* по-монгольски – погремушки на бубне; *кунгуру* те же погремушки по-уряньхайски; *кунгуру* – на языке хамийцев кустарник семейства бобовых, у которого стручки должны греметь, судя по аналогии с другими видами того же семейства; *хэнгрик*, *хэнгрке* – бубен по-монгольски, *кангири* – музыкальный инструмент у манджуров <Захаров 1875: 252>; *сихянь* и *кангири* – побрякушки, пластинки из муравленой черепицы, навешанные на нитку под кровлею у манджуров <Там же: 537>; *конгора* – колокол по-сойотски, *конкинор* – *id.* по-койбальски <Castren 1857a: 144>; *конгоро* у камасинцев <Castren 1855: 181>, *хонгорок* – на языке енисейских остяков, *конгорош*, *конкорош* – по-котовски <Castren 1858: 240> колокол; *шангыр* – трехструнная балалайка у вогуличского шамана, *синкэрь* – погремушки на бубенной колотушке у телеутов; *дюнгур* – бубен по-уряньхайски, *тунгыр* – бубен по-алтайски, *тунгур* – по-сойотски и карагаски <Castren 1857a: 161>, *тйг* по-койбальски. *Донкур* – дятел на языке сойонов в вершине р. Кобдо (у так называемых по-монгольски *кокчулутунов*), *тонгуртка* – дятел по-алтайски (тонгсогой по-якутски); *тэнгэри* – трехструнная балалайка, употребляемая шаманами и простонародьем в Манджурии <Захаров 1875: 720>. К этому перечню можно еще прибавить слова *шанг*, колокол по-алтайски, *чанг* по-татарски, *шынг* по-киргизски, *сан* по-койбальски <Castren 1857a: 144>, *хонхо* по-монгольски, *цанга* у горных черемисов, *чан* у чуваш и луговых черемисов <Золотницкий 1875>, *jonko*, колокол по-юкагирски <Mélanges russes 1860: 604>; *сеанга*, *сиенга*, *шенга*, *санку*, *сегга* по-самоедски <Castren 1855: 229>.

Кроме имени дятла, крик, по-видимому, подал повод от того же корня заимствовать названия и других птиц; для красной утки (*Vulpanser rutila*) монгольское имя *ангир*, алтайское *ангыр*⁶. По-якутски *хонгор* – род дикого гуся <Böhtlingk 1851: 85>; *ангыр* же у якутов – *Rohrdommel*; *шингырчъ* – скворец по-чувашски

⁴ Ср. названия птиц: *кургулдай* – ремез по-киргизски; *алтын гургулдай* – *Emberisa aureola* монгольск. и бурят. <Radde 1862: II, 157>; *хоргол*, *хорголдай* – фазан по-халхасски, *алтын хорголдай* – золотой фазан; очевидно, под этою формой алтан хорголдай, алтан гургулдей, когда она встречается в песнях, иногда может подразумеваться громовник.

⁵ Синоним кондрачак (*id.*) по замещению носового можно приравнять к чувашск. *кундурдэдэть*, гром гремит <Грамматика 1869: 136>.

⁶ Нельзя ли турецкое *айгыр*, жеребец считать происшедшим от *ангыр* вроде того, как *кыйгыра*, кричать произошло от *чингыр*? Наименование того же животного на других языках – чувашском: *ыйгыр*, якутском: *атыр*, монгольском: *адзирга* – представляют, по-видимому, только видоизменения этого корня.

<Золотницкий 1875: 109>; ынгырба – дикая пчела по-якутски. Названия журавля представляют опуск носового *n*: тогра, тогура по-халхаски, тохурюн по-бурятски⁷. На многих татарских наречиях голубь называется көгөршин, что можно сравнивать с кугурт, гром. Из растений, кроме кунгуру, сюда, может быть, относится чингиль, киргизское названия стручкового кустарника с гремящими плодами, принадлежащее к одному роду с хамийским кунгуру; окончание этого имени находится в связи с глагольной формой кункэль⁸. Тунгусское название можжевельника (*Juniperus*) хонкіра <Mélanges asiatiques 1877: 378> дано кустарнику не по звукоподражанию, а по какой-то другой связи с этим корнем; растение это встречается в шаманских легендах и употребляется при курениях во время шаманских мистерий; растёт он на высоких горах, поднимающихся выше предельной линии лесов, где ходят грозовые тучи.

Сравнивая слова этого списка между собою, мы замечаем здесь те же переходы звуков, какие выше были уже указаны по поводу вариаций слова «тэнгри», небо то есть, или из носового звука выпадает *n* (агыр, ыгыр, чакыр в алтайском, якутском и киргизском кричать, звать, вместо чингыр, как у хамийцев⁹), или замечается полное выпадение носового *z*, как в карагасском *dîr*, гром, и в койбальском *tûr*, бубен; эта последняя форма тождественна с терь, небо по-уряньхайски, и указывает на неотделимость представлений о громе и небе у первобытных насельников южной Сибири. Кроме того, замечаются еще следующие изменения: носовой звук замещается 1) *йг* в киргиз. кыйгыра – кричать, вместо котонского чингыр, 2) *нд* кундурдэдэт – гром гремит в чувашск.; 3) *д* кудурча – гром по-черемисски, и 4) *й* пойыра – алт. кричать, *kohinog* в карагасском колокол вместо *konkinog*, как в койбальском (подобно тому, как монгольское тангри перешло в киргизское тайр¹⁰).

⁷ Другого журавля *Grus Virgo* монголы зовут каркира; это название также в связи с глаголом кричать; по-уряньхайски кричать, греметь (о громе) *харкыра*; этим можно объяснить название белка Харкира, лежащего в дурб. хошуне у монастыря Улангома. К тохурюн близок по звуку наш Тугарин Змеевич. Имя Дегуренг встречается в одном сказании об отнимании жены у мужа, включенном в Алтан-Тобчи (<Труды 1858: 40>), только в монгольском сказании не Дегуренг у хана, а хан у Дегуренга отнимает жену. По-тунгусски журавль *tokogof* (сравни сойотское тунгуруп – гром).

⁸ Ср. йынгыл (звукоподражательное), звон колокольчика (<Золотницкий 1875: 15>). На языке енисейских остяков: конгелак, колокольчик (<Castren 1858: 270>). По-чувашски шыгыльчан, растение колокольчики (*campanula*).

⁹ Может быть, алтайское сагыр, свистеть (ср. алтайск. сыгырчак, сверчок <Грамматика 1869: 259> (по <Грамматика 1869: 102, 255> *сыгырчык* – прим. ред.); сыгырган, пищуха, *Lagomys alpinus*) было первоначально сынгыр. От замены *z* на *й* из сыгырчик образовалось татар. шыйырчык, сверчок. Алтайское и киргизское сыйыр, корова, имеет предшествующую форму в остяцком сыгыр, корова, и в чувашск. вугур, мугур, бык; монгольское укыр, корова, не образовалось ли отпадением начального звука? Замечательно, что речение ухыр входит в состав халкасского имени пищухи, ухыр-окто, между тем как тот же зверек, сейчас мы видели, по-алтайски называется сыгырган.

¹⁰ На том же основании в чувашском жеребец – ыйыр (<Золотницкий 1875: 11>). Другие наименования жеребца – на монгольском адзырга, на уряньхайск. и карагасск. аскыр, азкер указывают на новые изменения того же корня. С уряньх. аскыр можно сбли-

Алтайские формы пойыра, кричать (о птицах), багра, реветь (о медведе) предполагают изменения корня хонгро в бангра – пангра; на то же указывает и остяцкое *põnгер*, бубен <Castren 1855: 292> и чувашское мугурь, реветь, мычать; с таким же изменением придыхания и с изменением носового в *дз* имеем самоедские формы: *reanser*, *reanzer*, феанджир, шаманский бубен <Там же>; ср. с фандыр, осетинск. балалайка¹¹ (тут переход носового в *нд*). Конечное *р* переходит в *л*: кункель, чингиль, или совсем отпадает, как в названиях колокола: шанг, цанго и пр., в которых опять носовой может представлять уже указанные случаи опускания (как, например, в чувашск. колокол: чан).

Список приведенных слов показывает распространенность (от среднего Амура вплоть до Казани) корня ангра-шангра-тюнгре для обозначения звуковых явлений, и здесь нужно искать основания, почему тем же корнем названо небо у монголов и тюрков. В грозовом явлении небо являлось первобытному человеку элементом действующим, активным, а потому, наименовав грозовое явление звукоподражательным словом, дикарь перенес то же имя и на голубую среду, в которой разыгрывается гроза.

Отдельные черты этого явления или частные явления, находившиеся по представлениям дикарей в связи с ним, должны были заимствовать свои имена от того же корня. Якутские: чагылы¹² – блестеть (о молнии), чагылган – молния, блеск, Бётлинг сближает с монгольским цагильган – молния, с уйгурским *oot-tscgahildy*¹³ – молния и с якутск. же чакыр – камень, т. е. камень, дающий искру (по-монгольски камень – цахир). Первоначальную форму этих слов можно видеть в глаголах: чангыр и кункель. Дождь по-киргизски называется *janгбыр*, по-татарски *janгыр*; алтайск. *jamгыр*, *janгыр*, по-койбальски: *nanгмер*, *nanгмыр*; у кондомских татар *нагур*, *намур*; чувашск. *сьомыр* <Золотницкий 1875: 71>; якутск. *самыр*¹⁴; в тунгусском тем же корнем выражается понятие «снег идет»: *хуннгрен* <Mélanges asiatiques 1877: 378>; *ненастье* – хунга.

Приводим только для памяти, не умея открыть тут связь с идеей о Громовнике, некоторые подобным же образом составленные слова: *шангар*, *сангар*, *хангар* –

жать киргизск. название волка – *каскыр*. Якутск. *атыр*, жеребец, также относится к кудуры, гром, по-вотьяцки, как монгольское *адзирга* к алтайскому *кузурт*, гром. Эти сближения имен жеребца с именами Громовника должны тем менее удивлять, что Громовник представляется в сказаниях верхом на лошади.

¹¹ Ингуши произносят *пандыр*.

¹² По <Böhtlingk 1851: 119> следует читать как <чагылы>. – Прим. ред.

¹³ По <Böhtlingk 1851: 119> следует читать как <oot - tscgahildy>. – Прим. ред.

¹⁴ У Золотницкого (<Золотницкий 1875: 71>) приводятся звукоподражательные выражения: чувашск. *шабыр-шабыр* *сьомыр* *сывать*, татарское *шибыр-шыбыр* *janгыр* *јауа* – дождь идет. У якутов *ибир самыр* значит мелкий дождь, откуда глагол *ибир* крошить. У монголов также есть выражение *ибир-шибыр* или *ибир-ябыр*, которое уже не прилагается к грозовому явлению, а означает болтовню; в чувашском *йыбыр-ябыр* вдруг, разом. У Рашид-Эддина *Ибир Шибир* – страна, по относительному положению – Сибирь (<Записки Импер. Арх. Общ. 1858: 2, 218>). Не от этих ли форм: *janгбыр*, *самыр*, происходит название известной в буддийских сказаниях горы *Сумыр-олы* или *Сумбур-олы*, под которою могло подразумеваться гремящее небо?

тунгусское Loch, Ritze <Mélanges asiatiques 1874: 367, 369>; у урянхайцев на Хуке: унгур – нора. Якутское ынгыр – седло¹⁵, мунгур – тупой (монгольское мухур, тупой, комолый¹⁶). С обменом носового *нг* на *нд*: кендыр, кандыр – конопля; тому же растению дается еще имя банг; другое растение, доставляющее волокно, лен, носит название: зыгыр, зыхир, зигир, сегир; *Arosunum sibiricum*, также дающий волокно, кендер, чиге <Киреевский 1874: 90, 134, 160, 65, 148, 149>. Растений, называемых именем тюе-сингыр, у г. Киреевского в числе обитающих в Туркестане указано несколько. Многие из них бобовые, разные *Astragalus*'ы с большими пустыми, может быть, гремучими стручьями.

Переходим к другому имени Громовника: Кайракан. Мы уже говорили, что в киргизском монгольское тэнгри переходит у простого народа в тайр; поэтому для алтайского и урянхайского кайракана можно принять восстановленную форму кангракан, то есть то же, что монгольское тенгри-хан. Именем Кайракан урянхайцы, обитающие в Танну-Оле, зовут также медведя, причем они говорят, что это имя дается ему из уважения; действительно, и в сношениях между людьми это имя употребляется как почетный титул. Так, в разговоре со своим огурда, то есть князем, урянхаец к его званию присоединяет обыкновенно титул кайракан; он говорит: кайракан огурда! Даже бошкам, урядникам, говорят: кайракан бошко! Спрашивается, как тут было дело: кайракан ли было именем громовника и потом обратилось в почетный титул, или первобытный человек на первой же поре своей жизни усмотрел сходные черты между зверем и небом-громовником и обоим дал одно звукоподражательное имя, которое, подобно именам других сильных зверей, каковы лев или тигр, стало придаваться как почетное имя сильным людям на земле?

Мы склоняемся к последнему мнению по следующим основаниям: во-первых, обращение имени медведя в почетный титул не составляет исключения в истории человеческого обряда, как указывает Спенсер; имена сильных зверей употреблялись в разговоре у южных племен Африки и Америки для возвеличения могущественных царей и князей <Спенсер 1880: 249>. Почему бы тому же обычаю не возникнуть и в северной Азии?

Во-вторых, имя Кайракан (первоначально канграхан) или даже и тэнгрихан могло быть дано медведю за его рев, как имена того же корня даны издающим сильный звук предметам: бубну, небу и т. п. Хотя, кроме урянхайского имени кайракан, мы не можем привести других для медведя, идущих от того же корня, но мы имеем их для других животных, именно: тенгар или лянгер, мышшь по-остяцки, сингери или тингэри, мышшь или вообще зверек мышшиной породы по-манджурски <Захаров 1875: 595, 731>; лэнгари, мышшь по-манджурски <Маак 1861: 123>; хэнгрик-дзэхэ, вид росомахи по-монгольски; чжухэнь-сингэри (очевидно, только перестановка предыдущего имени), большая двадцатипятипудовая мышшь, живущая подо льдом, очевидно мифическое животное или мамонт, по суеверным представлениям манжур <Захаров 1875: 1004>, ынгур у Маака, жангуру у Брылкина – волк по-ходженски на Амуре, jenggoga, мамонт по-самоедски <Schrenk 1854: 287>; наконец, по-тунгусски есть имя для медведя – конгнора. Конечно,

¹⁵ По-алтайски вьючное седло ынгырчак.

¹⁶ Это имя часто встречается в географических именах Монголии в соединении со словом шибир, именно Мохор-Шибир.

странно от звукоподражательного корня тэнгри одновременно производит и имя медведя, и такого ничтожного и неслышного зверька, какова мышь; волк и росомаха и по росту, и по характеру ближе к медведю; и у нас имена медведя и волка смешиваются: во многих местах России есть областное для волка – бирюк, а в Симбирской губернии бирюком зовут медведя. Но переходы имен с хищных зверей и на травоядных, и даже мелких грызунов не представляют необыкновенного явления. Приведем для примера хотя следующие: сакул – по-якутски лисица, по-алтайски белка; суур – по-киргизски сурок, по-чувашии сывыр – суслик, по-остяцки чавр, тавр, саур – заяц, по-остяцки ъур, ёвре – волк, по-бурятски сибр, цубр – красный волк; русские же в восточной Сибири изюбрем зовут оленя; в Польше зубром зовут беловежского быка. К подобным сдвигам имен с крупных хищных животных на грызунов можно отнести и появление имени тенгар, синкэри, лянгэр, как имени мелкого зверька. Об этом мы еще будем говорить ниже.

В-третьих, сближение медведя с Громовником у первобытного человека могло быть вызвано не одним только сходством в реве: сходство их заключается еще в том, что оба они опасны и наносят смерть, оба умолкают на зиму. Связь, которую человек усмотрел между временами года и жизнью медведя, выразилась в нашем народном календаре фразой: «Спиридон солноворот – медведь на другой бок поворачивается». В поверьях о медведе и сказаниях о Громовнике мы находим много общего именно, может быть, вследствие отождествления медведя с громовником, которое делал первобытный человек. В поверьях о медведе мы часто слышим об уходе женщины; привожу вариант, записанный мною в Туранском карауле в долине р. Иркута от казака Тюменцева: «Медведь увел женщину, и она с ним зимовала; он выучил ее есть сырое мясо, зимой она сосала его лапу и была сыта. Однажды весной увидел ее в лесу охотник и отбил от медведя; женщина была уже беременна и родила медведя. Она выучилась во время зимовки с медведем медвежьему языку». В Нижегородской губернии существует поверье, что иногда женщины исчезают неизвестно куда, и по истечении нескольких лет снова возвращаются в свое селение; это временное исчезновение объясняют похищением медведя; при этом говорят, что он предпочитает уводить беременных женщин¹⁷. Родственные этим рассказы существуют в нашем народе о змеегромовнике. Огненный змей любит летать к женщинам; если женщина тоскует, народ думает, что к ней летает огненный змей; он отбивает ее от мужа, и женщина чахнет <Записки Рус. Геогр. Общ. 1869: 37>. Громовнику приписывают иногда и похищение женщин; мордовский Громовник Терюхан похищает во время грозы девицу с земли; монгольский Таин-Гирхин или Таин-Тэнгир, в котором, как увидим ниже, скрывается Громовник, то есть Тэнгри-хан, также похищает жену у Чингис-хана. В одном сказании южной России девица не похищена, а нечаянно попадает в яму, в которой зимуют змеи; золотая змея успокоила ее и сказала: «Если захочешь есть, полижи камень». Всю зиму девица прожила в змеиной яме, а весной, когда птицы прилетают из вырея, золотая змея выбросила ее из ямы <Афанасьев 1868: 548>¹⁸. Основа этих поверий может заключаться в по-

¹⁷ Похищение женщин приписывается и лешему (см. <Щапов 1863: 33>). Вообще, рассказы о медведе и лешем сливаются.

¹⁸ О похищении медведем девицы на крыльях ветр мас. см. там же.

ловой жизни зверя, которая пробуждается в нем летом, вслед за пробуждением от спячки; выйдя из берлоги, дикий зверь начинает охотиться за самкой, оглашая воздух неистовым ревом; едва ли какие другие два явления могли напроститься прежде на обобщение первобытному человеку, как эти два: рев ярующего летом медведя, и небесный рев змея-громовника. Другую общую черту в сказаниях о Громовнике и поверьях о медведе находим в описаниях той ямы, в которую зарывают умерщвленного богатыря, олицетворяющего Громовника; нельзя не увидеть в ней намек на медвежью берлогу. Царь

... посадил Егорья в глубок погреб,
Задвигал он его решетками все железными,
Засыпал он песками рудожелтыми,
Он дубьем и колодьем заворачивал.

На родственность представлений медведицы и черной тучи указывает одна купальская песня. Ветер стучит в ворота – это свекор стучит и приговаривает: «Одчинися, невісточка, одчинися медвѣдицѣ!» Потом стучится свекровь, «Одчинися, невісточка, одчинися, пахмурницѣ!» Наконец, муж: «Одчинися, миленька!» Жена жалуется, что свекор и свекровь обозвали ее медведицей, пахмурницей. Муж говорит ей, что она не умела ответить: «У нас медвѣдица в лісі буває, а пахмурница – черна хмаронька!» <Труды 1872: 211>. «Медвѣдь пиво варит», говорят русские в Карпатах, когда видят грозовые тучи на горах. Необыкновенный рев ручного медведя и глубокое выдиранье лапами земли предвещает пожар <О пред-рассудках...: 5>. Плывая по воде, не следует поминать зайца: не любит водяной, поднимет бурю; по другому поверью, плывя по воде, не следует поминать медведя <Афанасьев 1868: 644>. Урянхайское название вьющегося растения *Atragene alpina* подразумевает медведя-громовника¹⁹; оно называется к а й р а к а н к р и ж и, то есть тетива медведя; название это дает медведю в лапы лук, превращает его в стрелка, то есть громовника²⁰. Можно, конечно, перевести это название словами тетива-громовника, но растение называется также атык-крижи, ирей-крижи, где атык и ирей значит медведь, и хотя, как увидим, и под этими именами можно открыть Громовника, но сам урянхайский народ атыка и ирея теперь громовержцами не считает. У тункинских бурят я записал поверье о том,

¹⁹ Сохранилось известие, что у греков для добывания живого огня употреблялось преимущественно дерево ἀθραῦνη; это было или вьющееся или чужезданное растение (<Kuhn 1859: 38>). Растение *Atragene alpina*, по-русски называющееся дикий хмель, распространено преимущественно в Сибири; в Европейской России встречается только в Архангельской и Вологодской губерниях; классические писатели разумели под *Atragene* другое растение, именно *Clematis cirrhosa*; быть может, впрочем, что ни оно, ни другие упоминаемые древними растения ράιμος (следует читать как ράιμος – прим. ред.) и плющ не применялись к добыванию огня, и известие древних следует объяснить только тем, что вьющиеся растения, каковы *Atragene*, плющ, хмель напоминали им молнию, о которой урянхайцы и алтайцы прямо выражаются, что она вьется вокруг дерева, «айландра». По-монгольски *Atragene alpina* называется чюдур-убюсу, то есть путы-трава.

²⁰ Славянская клятва: «Чтоб тебе Перун показал свои зубы» (<Афанасьев 1868: 746>) также указывает на звериный образ громовника.

что медведь прежде был человек-охотник и в то же время шаман; по другому бурятскому рассказу, медведь был сильный человек; Бог, видя, что с этим богатырем людям не справиться, отрубил ему большой палец и обратил в зверя. Сказания об отрубленном пальце чаще, чем к медведю, жители северной Азии прилагают к сурку, зверьку, который с медведем имеет то общее, что засыпает на зиму; всех зверей, имеющих зимнюю спячку, как то: сурка, летягу, летучую мышь, медведя народное поверье ставит в связь с идеей о громовнике. Сурок, как и медведь, был великий охотник, производивший такое истребление на земле, что Бог принужден был наконец сократить его силу; он отрубил ему палец и обратил в вечно в норе живущего сурка. Этот рассказ о сурке образовался, по нашему мнению, таким образом: медведь назывался тарбаганом (нынешнее имя сурка) и представлялся народному воображению охотником, вносящим в животный мир сильное истребление; тем же именем «тарбаган» звали и бога-громовника (часть этого имени тар осталось в одном из его имен тархан²¹); Громовника представляли в виде стрелка. Затем имя тарбаган не удержалось ни за медведем, ни за Громовником, а перешло на сурка, на которого вместе с именем перешло и сказание, добавленное потом чертами из жизни грызуна.

В упомянутом выше бурятском сказании о том, что медведь был шаманом, говорится, что он был не простой бõ, шаман, а абтай; бõ бывают ложные, обманщики, абтай же – истинный шаман, неложный чудотворец. О том, как он обратился в шамана, рассказывается таким образом: Этот искусный шаман обладал такою властью, что мог обращаться в зверя; он уходил в лес, обходил три раза вокруг дерева, обращался в медведя, налавливал добычу, снова посредством трех оборотов вокруг дерева становился человеком и относит добычу домой. Однажды подсмотрели, каким путем он добывает дичь, и подрубили дерево: так он с тех пор и остался медведем. Это сказание, представляющее медведя первостепенным шаманом, очень важно; оно ставит его в начале шаманского культа. Первостепенность, превосходство в искусстве камлания и оборачивания в зверей приписывается другими алтайскими и бурятскими сказаниями первому по времени шаману, который и считается основателем шаманского сословия, или, как выражается сказание, родоначальником шаманов. Первый же или древнейший шаман, как увидим ниже, есть сам Громовник; таким образом, и здесь медведь сходится на одной мифической почве с Громовником.

В Алтае я записал сказание о древнейшем шамане, Тостогоше, которое содержится в следующем. Хан, наскучив обманами шаманов, велел всех их собрать и сжечь; он говорил: «Если они сгорят, значит – были обманщики и жалеть их нечего; если же они настоящие шаманы, то нечего бояться обложить их огнем: настоящие не должны сгореть». Собрали, по ханскому приказу, всех шаманов, заключили в юрту, обложили хворостом и подожгли; все сгорели, за исключением Тостогоша, который невредимо вылетел из пепла. После того хан позволил Тостогошу заниматься свободно своею профессией и пожаловал ему имя Даин Тере Тархан бõ. Другой рассказ о том же Тостогоше такой. Один хан пригласил Тостогоша лечить своего больного сына. Тостогош вылечил, но получив ханские

---

²¹ Член тар отделяется и в названиях зверей, именно тушканчик на Иртыше у русских называется тарбаган, хамийские же туркестанцы зовут его просто тар.

подарки, сманил и увез ханскую дочь. Однако ханская погоня догнала беглецов, и Тостогошу отрубили голову. По словам теленгитов, у которых было записано это сказание, тело Тостогоша обратилось в каменную бабу, которая и теперь стоит в местности Коту. Действительно, в этой местности есть каменная баба, которую зовут Даин. Это сказание напоминает другое о каменной бабе, находящейся в речной системе реки Эг и известной под названием Даин Тирхин (или Даин-Тэнгир, как будто бы она еще называется урянхайцами <Потанин 1881б: 157>). Вот это второе сказание: Даин Тирхин был знаменитый шаман; он увез жену у Чингис-хана и заложил ее в пещеру (что у нас рассказывается о Змее Горыныче), но Чингис-хан убил шамана, разрубив ему лицо саблей.

Что Даин Тирхин есть то же самое, что Тостогош или Даин Тере Тархан бё, показывает, кроме сходства в имени и в эпизоде увоза жены, еще одна черта: когда голову Тостогоша привязали в торока, она захохотала. У Чингис-хана в книжном об нем сказании есть также враг Таян-хан; когда к нему привезли отрубленную голову Ван-хана, голова улыбнулась <Труды 1866: 100>; здесь, правда, говорится о голове Ван-хана, а не Таян-хана, но это следует, вероятно, отнести к сбивчивости мифа. Уже в рассказанных нами эпизодах узнаются черты змея-громовника; вылетание из пламени в невредимом виде на древнеболгарской почве на Волге рассказывается не о шамане, а о змее²²; болгарский змей и алтайский Тостогош – это лето, Громовник, скованный зимним сном, но вновь возрождающийся в обновленном виде. Есть и другие свидетельства громовнической природы Тархана бё (Таин Тирхина). Говорят, что перед каменной бабой Таин Тирхином может камлать только истинный шаман; что ложного убивает молния прежде, чем он приблизится к истукану; что истинному шаману, который невредимо подойдет к нему камлая, он дает цакиус (шаманский плащ, пояснил рассказчик); что Таин Тирхин могуществен, как само небо. «Это само небо», – говорили мне урянхайцы, – «он и называется тэнгир, то есть небом, так как его зовут, между прочим, и Таин-Тэнгир». Рассказывают также, что по соседству с этою каменной бабой живет много шаманов. Все это свидетельствует в пользу того, что Таин Тирхин занимал центральное место в шаманских верованиях, и что это – сам Громовник. Самые имена его поддерживают это предположение; Тирхин Эгской бабы есть, вероятно, то же самое, что Тархан теленгитской легенды, и оба имени суть только измененное произношением урянхайское название бога-громовника Терхан. Тере теленгитской легенды опять-таки урянхайское имя неба, которое произносится или тере, или терь. Остается одно загадочное название – Даин или Таин; не тунгусское ли это дзаинг, медведица, что, может быть, означало и самца²³? Н.И. Ильминский указал мне на присущее татарскому языку свойство – разлагать звук *dz* на *d* и *z*²⁴ и на другое свойство турецких языков разлагать носовой звук *ng* на *n* и *g*. Руководясь этим указанием и прилагая то же правило к тунгусскому, мы от дзаинг, по-тунгусски медведица, получаем виды: дзаинг, дзаин, дзаиг (ср. джаик онгон у алтайцев, состоящий из зайца; айыг – мед-

²² См. <Шпилевский 1877: 72, 212; Рычков 1767; Гаврилов 1880: 152; Фукс 1840: 109>.

²³ У коттов Sajang, медведь (<Castren 1858: 233>).

²⁴ См. <Mélanges asiatiques 1859: 44> в статье: Zur tatarische Lautlehre. Aus einem Briefe des Prof. Ilminsky an A. Schiefner.

ведь по-алтайски), заин (ср. Саин-ноин, управитель аймака, Сайн-хан в монгольской, Хайн-хан в бурятской передаче – имя какого-то древнего, по всей вероятности, мифологического хана), даин (ср. Даин-ноин, князь, управляющий косогольскими урянхайцами²⁵).

Если Таин-Тирхин, уставщик шаманства, первый по времени и первостепенный шаман, носит в себе признаки Громовника, то с другой стороны – народное поверье у халхасцев представляет иногда самого Громовника в виде шамана; именно грозное явление объясняется тем, что по небу три человека ведут верблюда: один ведет за повод, другой идет рядом, третий сидит на спине верблюда и бьет в бубен.

Может быть, самое камлание есть не что иное, как подражание небесному грому; шаманская мистерия, заключающаяся то в нисхождении в подземное царство, то в восхождении на небо, в подробностях сходится со сказаниями о змее-громовнике, нисходящем по невесту или восходящем с нею.

На связь шаманства с представлениями о боге-громовнике указывают как сказания о начале шаманства, так и вещественные принадлежности шаманства, костюм шамана, онгоны и пр. В одном из алтайских вариантов о первом шамане зверолов Хан-Хурмось получил дар камлания от удара змеей, который ему нанес какой-то старик; с этого удара он пришел в исступление и закамлал. У урянхайцев распространено поверье, что прежде были такие сильные шаманы, что могли низводить молнию на свой бубен. На вопрос: куда падает молния, восточные урянхайцы по большей части отвечали мне: на дерево, на камень и в бубен²⁶. На внутренней стороне бубна у алтайского шамана можно встретить изображение ломаных линий, которые, по истолкованию самих шаманов, означают змей (то есть молнию). У одного урянхайского шамана на р. Бурен-голе я увидел в юрте около кровати медный круг, обвешанный множеством лентообразных лоскутков; подобные круги, нашиваемые на шаманскую шубу, урянхайцы называют кудзюнго, алтайцы – кусунгы, монголы – толи. На расспросы об этом кудзюнго обладатель его отвечал, что этот круг упал с неба на камень, и в то время, как он играл тут, Чуло-хам (то есть хам по прозвищу Чуло) поймал его, принес домой и передал потомству; шаман считал от Чуло-хама до настоящего времени всего пять поколений; по всей вероятности, этот рассказ есть отрывок из сказания о первом шамане и начале шаманства.

В приведенном рассказе нельзя под кружком кудзюнго разуместь солнце, потому что здесь прямо говорится о падении на камень; но форма кружка удаляет его от молнии, а потому ближе всего видеть в кудзюнго болид или метеор, – метеоры же и в наших поверьях сливаются с молнией и называются огненным змеем²⁷.

²⁵ У койбалов в песнях бог называется джәјән, чәјән, чән <Castren 1857a: 144>.

²⁶ У камчадалов существовало поверье, что во время грозы Билукай (камчадальский громовник, живущий на облаках и производящий гром, молнию и дождь) сходит к шаманкам, вселяется в них и способствует им угадывать (<Крашенинников 1786: 82>).

²⁷ <Ешевский 1870: 288>: анцилиями в Риме назывались священные щиты, которые во время празднеств в честь Марса жрецы носили на шее или на левой руке. Сказание о них говорит, что однажды из отверстого неба упал на землю необыкновенный щит, по образцу которого и были сделаны остальные анцилии. Название анцилий напоминает ал-

Атрибуты шаманского звания все имеют, по-видимому, целью указывать на Громовника. Эти принадлежности состоят из особых шапки и плаща и бубна с колотушкой; у бурятских шаманов, кроме того, появляется пара жезлов и другие вещи. Шаманское платье, которое мне довелось видеть на месте и в музеях, можно разделить на три типа: урянхайско-алтайский, тунгусский и амурско-орочонский; последний ближе к первому, чем ко второму. Все они имеют вид плаща с рукавами, сшитого из замши; отличие заключается в том, что тунгусский плащ обвешан железными погремушками (называемыми по-монгольски холбого), и только подол его обшит бахромой из длинных ремней. У алтайского же, урянхайского и ороchonского плаща не один подол, а и стан обшит бахромой; ороchonский плащ, которого я, впрочем, видел один только экземпляр в музее Географического Общества, отличается от виденных мною на месте алтайского и урянхайского тем еще, что на нем вовсе нет погремушек, за исключением одного колокольчика²⁸, а бахрома, покрывающая стан плаща, состоит исключительно из замшевых ремней, тогда как на алтайском и урянхайском плаще бахрома состоит только частью из ремней, наполовину же из жгутов, сшитых из бязи и других бумажных материй и набитых волосом. Эти ремни и жгуты, по толкованию самих шаманов, изображают змей; иногда они даже и шьются так, что можно узнать голову змеи, обыкновенно обращенную вверх; головка отделена от туловища тем, что шейка перехвачена галстучком; или просто одно прикрепление жгута к плащу не самым концом, а отступя от него с полвершка, уже выделяет головку; на головке или бисером, или на крупных жгутах битью изображены глаза; иногда головка расщеплена для того, чтоб изобразить змею с открытой пастью. К середине спины бывает пришит большой жгут. Урянхайцы дают ему название алтын-башту Абырга-джилан, то есть золотоголовая²⁹ змея Абырга. Это имя мифического змея распространено далеко на юг по Монголии, и мы ниже еще скажем об этом имени громовника. Между железными погремушками встречаются изображения лука и стремени из железа; все это напоминает Перуна, разъезжающего на коне и мечущего стрелы. То же нужно сказать и о совиных перьях, нашитых на воротнике плаща и на шапке; сова и филин – птицы, под которыми представляется Громовник, как в наших, так и в поверьях северо-западной Монголии.

Кроме холбого, то есть погремушек в виде железных трубочек, на плаще пришиваются круглые бляхи вроде металлических зеркал; на ороchonской шубе, хранящейся в музее Географического Общества, таких блях две: одна – на груди, другая – на спине; в Алтае я встречал обе бляхи, нашитые на спине; у других

тайский глагольный корень «кункель», означающий гром; выше мы привели слово чингиль, также, очевидно, получившее имя от звука. Конь у монгольского богатыря Ирин-Сайна, который есть, вероятно, олицетворение Громовника, называется Хангил. В северо-западной Монголии есть географическое название Хангель-цык или Ангельчик.

²⁸ Плащ этот новый, не закопченный; надо полагать, он сделан для Общества по заказу, потому отсутствие железных погремушек, может быть, следует объяснять неполнотой выполнения заказа; может быть, при исполнении заказа не нашлось под рукой нужного материала.

²⁹ В русских поверьях мифический змей также представляется златоглавым или золотым (см. Русскія заклинанія в <Записки Рус. Геогр. Общ. 1869: 489>; <Афанасьев 1868: 548>).

шаманов эти бляхи не пришиты к плащу, а висят в юрте или над тем местом, где помещается бубен или в изголовьях кровати. Выше были уже приведены названия их и сказание о ниспадении кудзюнга с неба, что указывает если не на молнию, то на падающий метеор. Без сомнения, в образовании формы кудзюнга, а равно и бубна, участвовали в равной степени как представления о метеоре, так и о солнце.

Во время шаманской мистерии бубен представляет то коня, на котором шаман спускается в подземный мир или поднимается на небо (почему монгольский шаман бубенную колотушку называет просто плетью, ташиур), то лук, посредством которого он пускает стрелы во враждебных духов; отделить здесь представление о солнце от представлений о Громовнике трудно, потому что и солнцу, и громовнику придаются и конь, и стрелы. Но названия бубна: тюнгур, тугыр, хэнгрик – указывают на прямое отношение, существующее между камланием и Громовником. Алтайское и урянхайское название горизонтальной поперечины в бубне «криш», тетива также указывает на представление о бубне как о луке³⁰.

На некоторых шаманских плащах встречаются особые фигуры в числе семи; так, на одном алтайском плаще я видел под воротником семь куколок или человеческих изображений; по толкованию самого шамана, куклы эти представляли «семь небесных дев»; на тунгусском шаманском плаще, хранящемся в музее Географического Общества, на груди нашиты семь железных пластинок, изображающих птиц, по всей вероятности лебедей, то есть опять-таки, тех же небесных дев, обладающих способностью обращаться в лебедей. Число семь в сказаниях северной Азии большей частью внушено представлениями о Большой Медведице, о чем мы скажем в другой статье; здесь же достаточно привести факты, которые должны устранить сомнение, что в представлениях о Громовнике, основателе шаманства, есть общие черты со знаменитым созвездием северного неба. Как первобытный человек не отделял грозное явление от неба, на что указывает монгольское название тэнгри, общее и для неба, и для бога-громовника³¹, так он мог, произнося имя выдающегося созвездия, думать о целом небе. Название Семизвездицы таким образом является в сказаниях как имя части, взятое за целое. Переход от громовника к Большой Медведице не более того, как от громовника к Варуне, о котором Кун выражается, что это было не только звездное небо, но и море облаков и туманов, в которых зарождались молнии. Монгольское имя Большой Медведицы – Долон Бурхын; корень второго члена этого имени слышен в названиях многих высоких гор северо-западной Монголии, служащих се-

³⁰ Вертикальная поперечина в бубне по-алтайски бар, на языке черневых татар марс; бар по-монгольски значит тигр; по-алтайски этот зверь называется барс; вероятно, марс черневых татар есть то же слово барс в другом произношении; можно думать, что это имя прежде придавалось медведю (ср. баран-гуресу, медведь на языке аларских бурят, бартыхы, id. у забайкальских бурят); в бубен же оно могло попасть только потому, что имена медведя и громовника были общие.

³¹ Остяки, по свидетельству Григоровского (в рукописи), когда гром гремит, говорят: Ном ыэчжин, «Бог молвил», когда хорошая погода: сво Ном «Бог добр», худая – Ном кеттембан, «Бог бьет»; когда день настает – Ном тельымбан, «Бог родился». Подобным образом и монголы о ясной погоде говорят: тэнгри сайн, «Бог (небо) хорош», и о худой: тэнгри му – «Бог худой».

далищем грозových облаков; мы знаем Бурен-хаирхан, Бурхан-ола, Бурюн-хан; последним именем косокольские урянхайцы называют известный Мунко-сардын; в призывании бурятского шамана этот белок величается таким образом: «окторгоин буумыл хумо харбаджи буга один ганц' нюдутей, ошин ганц' шюдутей», то есть стреляя небесною стрелой, спустился ты, одноглазый Один, однозубый Ошин³².

Точно такая же связь с высокими горами замечается и у турецкого имени; на большинстве турецких языков северной Азии это созвездие называется Джедигень, Джетыган, Итыган; ввиду того, что и на других языках европейских и азиатских созвездие называется медведем или медведицей, или, по крайней мере, каким-нибудь зверем³³, и в Итыгане можно видеть монгольское утыган, медведь.

Как монгольское бурхын, и татарское Итыган (хотя по большей части в измененном виде) встречается в названиях высоких гор или хаирханов. Только что упомянутый Мунко-Сардык, или, по крайней мере, один из его побочных пиков называется Хятагай; об этом Хятагае говорится, что он слетел с неба вместе с громом. В вершинах р. Чуи в Алтае находится высокий белок Бурул-тайга, а соседняя с нею вершина называется Гедетей или Идытей; здесь как будто повторение названия Мунко-Сардыка: Бурюн-хан и Хятагай. В Хангае лежит белок, который называется Отхан-Хаирхан, Отхан-тэнгри или Очир-Вани. Последнее название больше всего слышно у туземцев и интересно в том отношении, что этим же именем называется ламайский бог, представитель физической силы на ламайском Олимпе; он изображается с очиром в руке, которым он расшиб на две части темное существо Арахы. Что в составе названий горы есть слова хаирхан и тэнгри, понятно после того, что мы сказали об этих словах выше; что же касается до имени Отхан (или, как эту же, вероятно, гору называет Рашид-Эддин, Утекян-тэнгри), его можно принять за видоизменение слова утыган или итыган. В центральной части Киргизской степи, в выдающейся среди равнины группе гор Улутау, одна из вершин носит название Идыге, которое встречается и в киргизских сказаниях как имя богатыря³⁴; это последнее название близко и к бурятскому Хятагай и к татарскому названию Большой Медведицы: Итыган³⁵.

Урянхайцы высокие, уединенные пики, заслуживающие поклонения, то есть хаирханы, называют адык-ту; у алтайцев, как уже сказано было, поклонные горы называются джаик-ту. В обоих случаях ту обозначает гору; адык, очевидно, то

³² Ср. Ашина, волк, предок народа Тукиэ; также ош медведь по-зырянски и пермяцки, ошника (составлено из ошн и ика; ика – дед, старик) по-остяцки. О Мунко-Сардыке буряты говорят, что он прежде был Шоно-нойон, то есть волк-барин.

³³ О медвежьих и вообще звериных именах Большой Медведицы мы будем говорить в другом месте.

³⁴ В барабинском пересказе у богатыря Идыге один глаз вышиблен. Ср. одноглазый Один в бурятском призывании.

³⁵ На монгольском, татарском и тунгусском есть несколько имен животных с окончанием на ган или ген: тарбаган, кучиген, мундукал и др.; встречаются формы и с отсеченным окончанием, например, кучигень, сеноставка, местами называется куджо; тюльку лисица (полная форма, вероятно, в личном имени Тюлегун у киргиз), в чувашском тиль и т. п. Поэтому и в названии медведя окончание *ган* может быть оставлено; «джида» мы встречаем в урянхайском названии суслика; на якутск. уту выдра; на тунгусск. kuty, медведь.

же, что джайк или бык³⁶. Полное тожество этих форм было только в далекой древности; в настоящее время урянхайцы под словом адык разумеют не совсем то, что алтайцы под джайком. Адыком урянхайцы называют тряпочки или ленты, которыми они увешивают священные деревья и священные кучи камней или обо; отсюда, вероятно, происходит и монгольское хадак, шелковый лоскут, который также часто развевается на священных деревьях. Так как на священных горах или против них, если их вершина недоступна, устраивается обо, увешиваемое адыками, то название адыкту может значить гору, удостоившуюся вывешивания адыков. В алтайском слове «джайк» этот смысл заключается только отчасти; для ленточек, употребляемых для вывешивания на обо и на священные деревья и для привязывания к шее домашних животных, посвященных божеству, у алтайцев существует другое слово – ялама; под джайком же алтайцы разумеют несколько понятий: этим именем называется, во-первых, домашний фетиш, состоящий из зайца, привязанного к середине шнура, увешанного яламой; во-вторых, посвященная божеству и украшенная яламой скотина; в-третьих, наводнение, причиненное грозовым ливнем; говорят: джайк судан чикты, то есть джайк из реки вышел; в-четвертых, белки или хаирханы; наконец, в-пятых, Джайк есть собственное имя сына неба, которому, по алтайской легенде, бобырган (летяга) выколупал глаза; Джайк, преследуя его, бросился на землю, куда убежал бобырган, но последний укрылся под дерево. С тех пор небо преследует бобыргана громовою стрелой. Все эти различные значения можно свести к общему источнику предположением, что Джайком назывался у алтайцев бог-громовник. Отсюда и тожество с монгольским хаирханом (в смысле тученосной горы), и с урянхайским адыком (в смысле символических ленточек). Название жертвы по божеству мы находим и у чуваш, которые называют йирихом и жертвенные вещи, и того, в честь кого они положены. Чувашский йирих, алтайский джайк, бык, минусинских татар – ижик, изык, якутский итык, урянхайский атыг – все это слова одного значения и напоминают названия медведя: уёрк самоедск. (jugex, волк, остяцкое; бури, волк татарск.; русск. обл. бирюк, медведь); ehoкo или usikan тунгусское, эсе якутское; атыг урянхайское, айыг алт. (аю турецкое), jig остяцкое. На это сходство можно смотреть как на свидетельство, что поклонение божеству развилось у племен северной Азии под влиянием представлений о медведе-громовнике, который отождествлялся с высокими горами. Не странно будет искать и для имен Бурхан, Бурен, Бур, Бурул и т. п. объяснения в названиях зверей; в турецких языках мы находим бури для волка; в одной урянхайской сказке является Бури-хан,

³⁶ Тожество оказывается и в отношении фонетики; везде, где в алтайском языке стоит й, в языке тува или урянхайском стоит д; например:

алт. – кайын, береза;	тува – кадым;
бойим, свой;	бодым;
кийиз, войлок;	кидыс;
куйю, зять;	худелу;
куйрук, хвост;	удуру;
бийик, высокий;	бедык;
поэтому и бийик или яик;	адык.

волк-царь; сказка сначала дает ему настоящий волчий вид, но потом превращает его в хана, живущего внутри горы, вход в которую незаметен и завален огромным камнем (черта, часто приписываемая громовнику). Поверья о высоких горах, существующие в северной Азии, намекают на пребывание на них страшного божества. Суеверные тунгусы смотрят на гору Чокондо как на местопребывание гневного божества, посылающего на нее ежедневно облака и бури и никого до нее не допускающего, а потому вершину ее почитают недосыгаемой <Риттер 1879: 312>. Торгоуты в Тарбагатае говорят, что вершину белка Мустау облегает свернувшийся кольцом змей. Остяки и зыряне о горе Непубы-нер или Телпос-из (в Урале) рассказывают, что на эту гору никто не смеет взобраться, а которые восходили, оттуда никогда уже не возвращались; они считают место это обиталищем нечистого духа <ЖМН 1878: 9>. На острове Ольхоне есть поклонная гора Ижимей, на которую буряты не смеют подниматься; на ней, говорят буряты, цепями прикован к скале медведь³⁷.

Мы сказали, что джайком алтайцы называют также наводнение от грозового ливня. На такое же отождествление грозового явления с потоками, несущимися с высокой горы, указывают и другие случаи. Полный титул белка, известного у нас под именем Мунко-Сардыка (имя это тункинским бурятам и косокольским урянхайцам неизвестно, они зовут его или Мунку-Саган, или Бурюн-хан), следующее:

³⁷ Сообщил г. Черский. Подобную связь Громовника с горой заметили и у лопарей. Айе или Укко проявляет свое бытие в виде грома, бури, непогоды и молнии. Лопари обожали его под видом высоких гор, утесов и озер. В Энаре есть скала, поднимающаяся из волн подобно башне; она называется Айе и почиталась за божество; ей приносились жертвы (<ЖМН 1868: 252>). Кастрен (<Castren 1853: 108–122>) указывает на отношения, существующие между духом Hiisi (множ. Hiidete) и горами, по поверьям финнов. Hiisi в рунах является всегда злым, коварным духом; он вместе с Syöjätär сотворил змей и участвует во всяком зле, которое на земле случается; он топором рассек колено Вейнемейнену (совр. Вяйнямейнену – прим. ред.) (кажется, черта громовника, ведущая начало от косолапой походки медведя); болезни и недуги считаются посылаемыми от Hiisi; злое существо этого духа видно из финских проклятий: Oi Hiisi, o, дьявол! mene Hiitem, иди к черту! Вместе с злою природой Hiisi соединяет свойство сильного и ужасного существа; у него есть конь, у которого стальные копыта, а из рта и ноздрей летят искры. Местопребыванием Hiisi считался лес, особенно лесистые горы; Hiien linna, то есть города Hiisi, Hiitola, то есть Hiisi'ево обиталище описываются как места, окруженные трупцами, высокими горами и скалами. На горы, как на жилище Hiisi, указывает и то, что многие горы в Финляндии называются Hiiden vuori. В рунах говорится также о Hiisi'евых полях, лугах, конях, быках и проч., что придает этому духу другие черты, не ограничивая его образ чертами одного лешего. Выражение Hiiden väki подавало прежде повод к предположению, что Hiisi были первоначальниками Финляндии. Та же связь громовника с высокими горами замечена и у кавказских горцев. Высшим божеством у абхазцев считается Аныбс-ныха-дудрюпш, который пребывает на горе Дудрюпш; всякий, осмеливающийся подняться на гору, бывает поражен слепотою. Собственно громовник по-абхазски называется Афы; ему приносят жертвы при отгоне стад в горы весной и возвращении из гор осенью, а также во время засухи; во время грозы ему поется особый гимн. (Ср. имя Афы с самоедским названием медведя апы, качинско-татарским ава и др. т. п.).

Мунку-Саган-хутул-хан-морин-нойон. Это хан-Морин есть, конечно, то же, что урянхайское Бурюн-хан, между тем Морин у монголов, кочевья которых прилегают к южной подошве Танну-Олы, означает вообще большую реку; этим именем зовут, например, Тельгир-Морин, хотя не менее важные реки Тэс и Эг не называются мори́нами. Эта привилегия Тельгира до того соблюдалась, что Морин сделалось почти собственным именем этой реки; чаще ее зовут просто Мори́ном. Другая река (в системе Хуа-хема) называется Бурен-гол; на карте Клапрота она еще называется Хара-мурен, то есть черная река; так, может быть, она когда-нибудь и называлась; ныне же она известна у местных урянхайцев под именем Бурена; это бурен, прежнее мурэн, сделалось совсем собственным именем этой реки, так что к нему уже прилагают слово гол, река. То же слово находится в имени третьей реки Буконь-бурен, притока р. Кобдо. Из этих примеров видно, что морин и бурен сменяют друг друга, как в именах рек, так и гор; это ведет к догадке, что этим именем назывался Громовник, который отождествлялся и с горой, и с грозовым ливнем, и вообще с потоком с горы³⁸. От этого-то неразделения понятий о горе и о берущей на ней начало реке нередко случается в Монголии, что и белок, и река носят одно и то же название, а отдельных имен не имеют; так, например, к западу от Убса лежат два белка, из которых вытекают две реки: Харкира и Тюргун; белки не носят отдельных названий; на вопрос, как гора называется, отвечают: или хаирхан, или цасту ола (снежная гора), или: мунку цасу (вечный снег), и только когда требуется отличить в разговоре один белок от другого, их называют именами Харкира и Тюргун. Вершина Енисея называется Хуа-Хем; это название дается реке только по выходе ее из озера Терь-нор; выше же она называется Шишкит; самая восточная ветвь системы называется Арасай;

³⁸ В алтайских былинах, записанных *Радловым*, встречается выражение «Итильджаик»; г. Радлов, заключая из смысла предложения, перевел это выражение просто: большой водой; г. Ильминский, в письме к г. Шифнеру, помещенном в предисловии к одному из томов *Радловских Proben*, предложил остроумную догадку, что тут нужно разуметь спарение двух имен русских рек, Итиля и Джаика, то есть Волги и Урала (Яика). Невольно является мысль, что это место есть память о русских реках, с которыми среднеазиатцы могли познакомиться во время походов. Как будто за то же говорит и монгольское поверье о реке Идильдзай, лежащей на западе от Монголии, на которой люди, пьющие ее воду, живут свыше ста лет. Однако слово джаик, как мы видели, известно в Алтае в значении наводнения, большой воды. Кажущееся противоречие в этих фактах может быть объяснено таким образом. Идиль-Джаик было парным именем, жившим в устах народов Средней Азии; оно употреблялось как в слитной форме, так и в разобщенной и придавалось как самому громовнику, так и производимому им грозовому ливню; имя джаик и теперь осталось в Алтае в близком к тому значении. Имя Идильдзай явилось не после только знакомства с р. Волгой, а существовало в Монголии давно, и поверье о нем указывает, что под этим именем скрывается благотворный ливень, приходящий с западного неба; впоследствии турецкие и монгольские племена явились в Европейскую Россию и, найдя здесь две большие реки, наименовали их именами, взятыми из своей мифологии. Что народ подобным образом переносил имена с неба на землю, примером могут служить дороги в древней Англии, на которые было перенесено имя Млечного пути. К первому члену Идиль мы возвратимся в статье о Семизвездице.

в вершинах этой последней реки, как бы во главе всей речной системы, стоит высокая гора, носящая имя Хуа-Хем, то есть имя реки, долина которой у ее подошвы получает начало, хотя река, которая близ нее начинается, называется другим именем. Это тоже может служить примером того, что человек, обитавший в древности в Монголии, принимал гору с ее потоками за органическое целое³⁹.

Небо представлялось, кроме того, еще в виде высокой горы, в виде белка (или тайги, как сказал бы алтаец), на котором скапливаются грозовые тучи и разряжается электричество. Восходящее солнце или луна должны были представляться дикарю въезжающими на гору. Под горою в сказаниях северной Азии следует разуметь по большей части небо. Самое крупное созвездие северного неба, Большая Медведица, помещается около вершины этой горы; она должна была представляться или в виде самой вершины белка, или обитателем на ней, и обобщаться с Громовником или с медведем-громовником. В сказаниях упоминается высокая гора, на которой растут семь лиственниц; в качинских былинах царь Джедай-хан живет на высокой горе, а под Джедай-ханом разумеется Большая Медведица, Джетыган или Итыган <Потанин 18816: прим. 27 к гл. I>.

Другое представление о небе было, как о море, окружающем землю. Относительно сказаний северной Азии можно то же сказать, что говорится об арийских; большая часть мифов, касающихся моря, разумеет не земное, а небесное море облаков и туманов, так как монгольское племя еще менее знало настоящее море, чем арийцы. Монгол словом далай, море, называет большие озера своей родины; небо он мог представить в виде того же далая, только в других размерах. С этим вместе Большая Медведица должна была преобразиться во властителя небесного моря, от которого зависит погода. Мы имеем одну монгольскую сказку, в которой отчасти можно видеть вариант нашего Марко-богатого. Один бедняк идет к Бурхан-Бакши узнавать судьбу; он находит следы ног этого божества, этими следами доходит до моря и вступает в его волны; внутри их он находит ставку Бурхана-Бакши; по сравнению с нашими сказками, Бурхан-Бакши есть морской царь; мы уже знаем, что Большая Медведица по-монгольски называется Долон-бурхан; присутствие члена бурхан в названиях созвездия и персонажа наводит на мысль, что под морским жителем Бурханом-Бакши скрывается Большая Медведица; это предположение можно поддержать следующими обстоятельствами: во-первых, многие черты других монгольских и татарских сказаний заставляют также предполагать, что властителем над человеческой судьбой представлялось созвездие Большой Медведицы, о чем будет сказано в другой статье; во-вторых, о Бурхан-Бакши монголы иногда прямо говорят, что это одна из звезд Большой Медведицы; в-третьих, одно монгольское сказание принимает Большую Медведицу за семь частей, на которые был разбит палкой богатырь Амын-Цаган-

³⁹ Не следует ли подобною связью представлений о громовнике и ливне объяснить сходство имен в языке якутском äbä – река <Böhtlingk 1851: 15>, и ebbae – медведь (<Pallas 18316: 67>)? Не означало ли оно ранее грозового ливня или весеннего разлива вод? Такое же соединение представлений, может быть, заключается в словах: якутском Ирюс (<Böhtlingk 1851>: öрус, большая река) и монгольском галап; последнее теперь означает переворот земной не только через посредство воды, наводнения, но и посредством огня.

Буреке; к тому же сказание об Амын-Цаган-Буреке соприкасается с распространенным сказанием о семи братьях, добывающих невесту, в иных передачах прямо относимых к Семизвездице⁴⁰; с другой стороны, Амын-Цаган-Буреке напоминает богатыря Медведко или Медвежье ухо аварской сказки⁴¹, который родился с медвежьими чертами от сожительства женщины с медведем. Амын-Цаган-Буреке убивает дьявола-старуху молотком, намек на его громовничество. Эти факты дают право имя Бурхан считать древним первоначальным именем Семизвездицы, возникшим на почве представлений о медведе-громовнике, обитающем на небегоре или в небе-море; значение же Бурхана как бога есть, как мы думаем, позднейшее; оно отделилось от монгольского имени Семизвездицы – Долон-Бурхан так же, как и турецкое Кудай, бог, отделилось от турецкого ее имени Джетыген, о чем мы скажем в статье о Семизвездице. Принимая слово Бурхан за древнее имя громовника, возникшее на туземной почве и ведущее начало от одного из имен медведя, мы можем встретиться с возражением, что не лучше ли вести это слово от санскритского *Bhrgu*, который есть также олицетворение молнии или жрец, получивший от *Mâtariçvana* освобожденный из пещеры огонь <Kuhn 1859: 5–10>. Этого санскритского *Bhrgu* еще более, чем монгольский бурхан (в урянхайском произношении пурган, в алтайском пыркан) напоминает птица колборхы, которой алтайское сказание приписывает открытие огня; когда собрание первых людей недоумевало, как быть без огня, прилетела птица колборхы, сказала только: «разве на березе нет губы, разве в скале нет камня», и улетела⁴².

Санскритский *Bhrgu* мог явиться в Монголию или вместе с буддийскими книгами или мог быть занесен вместе с переселением монгольского племени от северной подошвы Тибета. Но есть мнение, что монгольское и особенно турецкое племя расселялось от Байкала с северо-востока на юго-запад, а не наоборот⁴³. Если это будет подтверждено дальнейшими учеными изысканиями, тогда останется один путь, книжный; этот путь предполагает перевод сказания о *Bhrgu* сначала к монголам, потом к урянхайцам и алтайцам; сравнение же редакций монгольской и урянхайской не поддерживает этого предположения; сказание об открытии огня у монголов под влиянием буддизма исказилось в сказание о добывании живого бога; нужно сличением открывать, что в нем под живым богом разумеется огонь; в алтайской же вышеприведенной легенде говорится ясно, что борхы указал людям огонь. У урянхайцев я не открыл сказания об открытии огня, но у них есть сказание о добывании живого бога; редакция этого сказания перво-

⁴⁰ Как, например, в датской, см. <Grundtvig 1878: 110>, и в записанной нами монгольской «Долон убугут».

⁴¹ См. <Сборник 1869: 16–24>, ст. г. Чиркеевского.

⁴² Кун приводит граубинденскую сагу, которую он сближает с сказанием о добывании огня. Парни одной деревни выставили в лесу корыто с вином и водкой; лесной человек выпил напитков и опьянел; его поймали, связали и принесли в деревню; когда он очнулся, от него стали требовать, чтобы он открыл тайну; он сказал, что откроет, но чтобы ему развязали руки и ноги; когда руки и ноги были развязаны, лесной человек только сказал: *bim hübschen wetter nemmet die töpschen (wämmer) mit ni und bim leiden haid (habd) er d' wahl*, и исчез (<Kuhn 1859: 34>).

⁴³ См., между прочим, <Richthofen 1877: 45–55>.

бытнее монгольской и не похожа на заимствование у монголов; в монгольском сказании Абтай-сайн-хан едет за живым богом к Далай-ламе, и только; в урянхайском – это длинный рассказ о богатыре, исполняющем личные ханские поручения; последнее из них есть поездка к Колду-Бурхану за живым богом, причем богатырь добывает себе невесту. Словом, эта урянхайская сказка совершенно подходит на другие урянхайские богатырские сказки и нисколько не подходит на отрывок буддийского сказания, который будто мог быть пересажен в таннуольские долины немногочисленными безграмотными ламами, и, наоборот, при чтении монгольского сказания чувствуется, что это отрывок сказки шаманского племени, искаженный под влиянием буддизма.

Кроме того, связь между представлениями дикарей северной Азии о медведе и громовнике, на наш взгляд, так очевидна, что заимствование имени громовника: бурхан, бури-хан, бурен-хан⁴⁴ и прочие от имени медведя должно казаться очень естественным; что же касается до связи *Bhrgu* с корнем *bhrj*, откуда *bhargas*, блеск <Kuhn 1859: 8>, то, не отвергая ее, можно объяснить эту связь происхождением понятия о светлом и существительного «блеск» от блестящего созвездия, а не наоборот.

Сравнение неба с морем (правильнее, озером) могло быть вызвано сходными чертами, одинаковым цветом лазури, отражением звезд в воде в ночное время, а во время грозы одинаковым помрачением как небесной, так и водной лазури; поверья жителей северной Монголии указывают, что дикари признавали такую же тесную связь между небесным морем и земными водоемами, как и между небесной горой и земными хаирханами. Они помещают громовника на дно озера; у манджуров есть мифический зверь мудури, который будто бы водится и в озере Ханка. Мудури по-маньчжурски значит молния. Зверь мудури считается свирепым. Манджуры часы суток обозначают именами зверей: 11-й час называется часом мудури. На маньчжурских часовых досках на месте одиннадцатого часа изображен зверь мудури в виде дракона, бросающего из своих лап молнию <Маак 1861: 141>. О белой сове, которая по-бурятски называется тажа и в крае живет только зимой, буряты говорят, что на лето она уходит в озеро, что к тому озеру опасно бывает подгонять в то время скот на водопой, потому что тажа поражает его молнией. В западной Монголии этого поверья нет, но связь белой совы с представлением о громовнике есть и здесь: говорят, что ее преследует громовая стрела, почему она удаляется на лето на дно моря. Этим поверьем о пребывании громовника в озере можно объяснить название маньчжурского мифического зверя чжухянь-сингэри; это было, по-видимому, имя громовника, представление о котором народ перенес на мамонта; связь в представлениях о мамонте и громовнике или, по крайней мере, о мифическом звере индрике, прочищающем источники, есть и у нас; на эту связь указал уже г. Вс. Миллер <Древности 1878: 6>. Посамоедски мамонт называется *jeŋggoru*⁴⁵, именем, которое напоминает корни,

⁴⁴ Понятие о горе заключалось и в санскритском *bhrgu*, *plateau de montagne*, *précipice*. См. <Pictet 1877: 125>; тут же сближения с готск. *bairgs*, англ.-сакс. *beorg*, древнеславянск. брегъ.

⁴⁵ См. <Schrenk 1848: 312; 1854: 287>. Шренк считает это имя составленным из двух *ja* земля и *hoga* самец, специально самец северного оленя, вроде того, как яптангора – гу-

приведенные в начале статьи; на языке томских остяков и самоедов он называется козэр; это тоже одно из имен громовника, как увидим ниже. Кажется, эту связь нужно предполагать и между громовником и выдрой; ее остяцкое название ван-тэр⁴⁶ напоминает самоедское название бубна, peander, peanser, peanzer <Castren 1855: 292>, а мы видели, что название бубна в связи с именем громовника; название же речек вблизи некоторых белков около Косокола и в системе Шишкита Мундурго, или Мунгорго (ср. пандер по-халкаски, мундур, tender, möndör – град по-бурятски) указывает на то, что и здесь громовнику давалось подобное имя. Тут, может быть, наводило на сближение роющее свойство горных потоков, образующихся от грозового ливня, которое напоминало дикарю роющихся в земле зверей⁴⁷.

Первый член имени манджурского загадочного зверя, чжухэнь, тоже нужно отнести к эпитетам громовника, судя по тому, что почти того же состава имя: сихинь и кангири, как называются черепичные погребушки под манджурской крышей; кроме того, у вогулов гром называется сяхен <Груды 1873>. Появление этого слова, в котором и тени нет звукоподражания, можно объяснить тем, что дзехен было именем медведя и потом перенесено на громовника.

Оно действительно встречается в именах зверей; хэнгрик-дзехен по-монгольски называется росомаха; это имя вполне совпадает обоими членами с приведенными выше названиями как манджурского гремучего украшения «сихинь и кангири», так и мифического зверя «чжухянь-сингэри». Переводить слово хэнгрик по-русски словом бубен в названии росомахи едва ли имеет смысл; что за бубенная росомаха? Вероятнее тут разуместь просто звериное имя, которое было дано зверю за рев и в то же время придавалось и громовнику. Дзехен, росомаха, в других языках изменяется в дзеген у сойотов, джекен у алтайцев, сегян, сйэгян, сйэгянь у якутов.

Цаган, которое встречается между именами в монгольских сказаниях, не есть поэтому белый, а скорее название зверя; оно означало, по-видимому, медведя и громовника; поэтому-то оно и входит в состав имени Амын Цаган Буреке⁴⁸,

---

сак, коровангора – бык. Следовательно, янгора будет «земной северный олень-самец», или просто «земной бык». Но существование тунгусских форм: Ынгуру – волк, джухянь-сингэри – подземное животное, заставляют с осторожностью отнестись к этому толкованию.

⁴⁶ Варианты: wander – <Castren 1858: 118>; wondor, wondyr – <Pallas 1831a: 77>; gonter – около Самарова *ibid.* (Самаровский Ям, или Самарово, теперь в черте Ханты-Мансийска – *прим. ред.*). По-якутски быдыра, близкое к манджурскому мудури, но может быть и искаженное русское выдра, как думает Бётлинг.

⁴⁷ По-вотьяцки гондыр – медведь; ср. также хундур по-чувашски, ундур горных черемисов, бобр (<Золотницкий 1875:>). Тот же корень для бобра с другим окончанием очень распространен на пространстве от Волги до Енисея: кундус по-киргизски; кондоз по-татарски, кумдус по-алтайски. От того же корня происходят названия выдры: kundus, hundus, по-сойотски и по-карагаски, kamnos, камнош по-койбальски (<Castren 1857a: 159>); камду по-алтайски, кама казанских татар (ср. теме-халю, бобр по-монгольски); комà по-черемиски; йеме по-якутски (<Böhtlingk 1851>).

⁴⁸ Амын напоминает самоедское Ъман, верховное божество.

в котором мы уже указали признаки громовника; на том же основании и известный бурятский «Цаган убугун», белый старец, должен быть признан за медведя-громовника⁴⁹; он во время религиозных плясок в буддийских монастырях представляется хромающим, – намек на походку медведя. Буряты Аларского ведомства говорят, что сильнейший зверь на земле амын-цаган-хулугана; это может значить только то, что прежде так назывался медведь, и вместе с тем громовник; впоследствии связь имени с медведем утратилась, осталось одно – что это сильный (как небесный гром) зверь. Что это был громовник, подтверждается поверьями, будто мышь амын-саган-хулугана сосет коров, или будто где она поселится, в том доме будет богатство и счастье. Другой, более ясный пример подобной судьбы имени громовника представляет название кара кула. У киргиз существует поверье, что сильнейший зверь есть кара кулак (черное ухо), хотя он величиной всего с кулак. В алтайском словаре <Грамматика 1869: 48> слово кара-гула переведено: лев. Мы думаем, что это ни мышь, как надо подразумевать со слов киргиз, ни лев, а что это был медведь, и в то же время громовник; связи имени с медведем утратилась, осталось одно воспоминание, что это зверь и притом самый сильный, сильнее даже медведя. В сказках, Кара-Кула живет у алтайцев и до сих пор и фигурирует обыкновенно на месте нашего змея или монгольского мангыса; перевод львом надо объяснить таким образом: когда алтайцы пришли в первое столкновение с людьми, знавшими хотя по имени льва, когда эти люди описали им льва, как зверя более сильного, чем медведь, алтайцы, справившись в своей мифологической зоологии, порешили, что это, вероятно, им рассказывают о кара-гуле, хорошо им известном из сказок. Подобным же образом следует объяснить и якутское слово хахай, лев. Бётлинг в своем якутском словаре при этом слове делает примечание: гахай, монгольское свинья, и затем ставит вопросительный знак. В самом деле, трудно объяснить, чем руководствовались якуты, заимствуя монгольское слово хахай для такого зверя, как лев; но это затруднение может быть устранено предположением, что со словом хахай происходила та же история, что и с кара-кулой. Хахай, вероятно, было именем медведя и громовника, оставшееся потом только в сказках; что хахай был громовник, на это указывают восклицания якутского шамана на мистериях: хахай! хахай! подобно тому, как алтайские шаманы, начиная свое камлание, призывают имя своего громовника: кайракан! кайракан! Потом слово это значения медведь лишилось, но сохранилось в сказках как имя сильного чудовища (конечно, это предположение должно быть подтверждено образцами, теперь живущими в народе), и, наконец, при первых рассказах о льве было присвоено этому последнему. Между гахай-хахай, с одной стороны, и дзехен-цаган, с другой, было, вероятно, посредствующее каган-хаган, которое, подобно кайракану, сделалось почетным титулом у власти-

⁴⁹ Урянхайцы называют медведя, между прочим, убук, вероятно, сокращенное убугун. Таким образом, цаган-убугун будет по составу имени соответствовать древнегреческому λευκη (следует читать как λευκή/λευκή – прим. ред.) ἄριτος (<Bachofen 1863: 18>). Не скрывается ли тот же убугун, то есть медведь, в чувашском слове вопкын, пучина, водоворот, пропасть, прожорливый, обжора, татарском упкун, горночеремисском вопман; вопкын у чувашей – дух с означенными свойствами; ему и его семейству делается моление в предупреждение от повальных болезней (<Золотницкий 1875: 27>).

телей Монголии. Между именами зверей эту среднюю форму можно видеть в остячком коган для некоторых пород лисицы⁵⁰.

Кроме этого пути обмена имен медведя с другими животными были, очевидно, и другие.

Обмен именами медведя с крупными хищниками, волком или выдрой, допускается нашим умом легко; обмен с крупными травоядными, каковы: лось, олень, бык, лошадь, рев которых или мало, или совсем не уступает медвежьему, тоже может быть допущен. Но можно ли допустить, чтобы имена медведя переходили на мелких грызунов только по той причине, что дикарь обобщил все ревущее, воющее, пищущее? Конечно, тут была какая-то другая причина переноса; не имея возможности теперь же сказать – какая именно, мы заметим только, что некоторые из этих переходов, как показывают приведенные ниже примеры, находятся в какой-то связи со сказанием о громовнике. Мы уже выше говорили о представлении громовника в виде змеи Абырган, по имени которой и есть названные горы (я знаю две, обе в южной Монголии); в то же время Абырганом урянхайцы называют летягу, о которой и у халхасцев и у алтайцев есть поверье, что ее преследует громовник⁵¹. Джель-бегень или Ельбегень есть семиглавый змей алтайских сказок; это, конечно – змей-громовник; имя его напоминает качинское албагай, соболь, а если совсем отбросить окончание гень – монгольское ольби, летяга, о которой существует у монголов поверье, что небо преследует его своими стрелами.

В наших русских поверьях ангел преследует громовой стрелой черта, который прячется под траву; но по другим сказаньям под траву прячется Христос, вероятно в первоначальной редакции Хорс (ср. у западных славян Крт⁵²); Хорс же был громовник. Финский громовник Юмала, самоедский Нум; по-мордовски заяц – нумоло. Одно из имен легендарного шамана, то есть громовника, у алтайцев Хан-Хурмос, по-монгольски белка – херим или херми; Хурмустен-хан – монгольский громовник; по-бурятски летучая мышь хурмуше; Ерлик или Ерлен-номон-хан, царь подземного мира, у алтайцев представляется со змеей в руке вместо плети, следовательно с молнией; ерлен по-алтайски, номон по-монгольски значит крыса. Волгонче громовник у черемис, мулгачь – заяц по-чувашски. Джаяк – громовник у алтайцев; джайк, у алтайцев заяц, снабженный яламой (онгон)⁵³.

⁵⁰ У Кастрена: *kāgan*, *kēagan* на языке енисейских остяков, *sumarçôgana* на котовском наречии (<Castren 1858: 239>).

⁵¹ По-алтайски тот же зверек называется бобырган (ган есть суффикс и при сравнении может быть отброшен), по-якутски бабыр, у русских в Восточной Сибири бабр, *Felix uncia* (<Böhlingk 1851>). Слич. по-персидски *bibar*, мышь и *babar*, тигр и лев (<Pictet 1877: 411–428, 444>). В славяно-литовских языках также замечается близость имен медведя и мелких зверьков, как, например, белки: медведь по-иллирийски (<Там же: 428>) *wewer*, белка по-литовски *wawaris* (совр. лит. *voverė* – прим. ред.), по-древнеславянски веверица.

⁵² Крот, по-монгольски номон, по монгольскому поверью преследуется молнией, как и летяга.

⁵³ Громовник у камчадалов называется Пилячуч (у Стеллера Билукай); см. <Крашенинников 1786: 73, 78>; заяц (*Lepus variabilis*) по-камчадальски *biltschutsch* (<Pallas

Параллельно с этими примерами превращения гонителей в гонимых, светлых божеств в темных мог совершиться и обмен в имени тэнгри; этим именем мог называться и громовник, и преследуемый им зверек, тэнгар (по-остяцки мышь).

Из других имен громовника упомянем еще Улан, Сартактай, Чингис, Гесер, Кадыр, Абыс, Пиамбар.

На монгольской почве мы встречаем архаическое слово люнг⁵⁴; оно встречается в именах легендарных героев и в именах урочищ; так, например, в северо-восточной Монголии в Хангае есть священная гора Ташилюн (Ташилюнг?); у южной подошвы Тянь-Шаня к востоку от города Хами, на карте г. Рафаилова назначено селение Ташилюк (Ташилюнг с выпадением носового *н*?)⁵⁵; в Алтае в долине р. Чуи есть р. Таджилу. К этой последней относится легенда вроде немецкой об *Erl-könig*'e; отец везет свою дочь с целью отдать в замужество, но дитя умирает у него на руках. Жених был таджи, то есть князь, который жил на р. Таджилу; алтайцы говорят, что эта речка потому так и называется, что она принадлежала князю; то есть они принимают, что название таджилу составлено из двух членов: таджи и лу, где лу есть притяжательная татарская частица лу. Но существование монгольских Ташилюнгов заставляет усомниться в верности подобного объяснения. Сказание о Таджилу кончается заявлением, что вот по причине кончины невесты здесь и не водятся с тех пор змеи; эта неясная добавка намекает, однако, что под лу, скорее, следует разуметь монгольское лу, дракон, более полную форму имени которого мы имеем в составных монгольских словах: лун-сумын, громовая стрела, лун-хан, царь драконов. В числе легендарных имен встречается Люнг-Шидурху⁵⁶, противник Чингис-хана, личность, обладающая способностью превращаться и тем напоминая мифического змея; Линг-хум – предок народа Таджикиутов, в примечаниях к своему отчету о путешествии в Монголию в 1876–1877 году мы сделали догадку о тождестве последнего лица с сохранившимся у хотогайтцев именем их предка Улан-хун-гайджи; в нынешнюю поездку нами добыты еще некоторые подтверждения этой догадки, но здесь не место излагать эти факты. Если наша догадка будет одобрена ориенталистами, то слово улан, так часто встречающееся в названиях монгольских урочищ, не всегда придется переводить словом красный; во многих случаях, вероятно, придется видеть в нем измененное лун или лу, дракон, родственное турецкому илан, змея⁵⁷.

1831a: 146>). Ср. также русскую загадку о громе и молнии: Тур ходит по горам, а турица (мышь) по норам; тур свистнет, а турица мигнет (запис. г. *Кашиным* на Аргуни <*Вестник* 1858>).

⁵⁴ Например, Люнг-Шидургу, Линг-Хум.

⁵⁵ Кроме того, есть географические имена: Тумурлюн в долине р. Ег (см. <*Потанин* 1881b: 44, 93>); известная река Херулюн (Херулюнг?). На подобное же диалектическое изменение указывает, по-видимому, двойственность произношения слова: юзерлюн и юзерлик (первонач. юзерлюнг?) – растение *Peganum Harmala* на языке крымских татар; сарлан на языке котонов и сарлык по-монгольски (первонач. сарлынг?) – тибетский бык, *Bos gruniens* (<*Анненков* 1878: 244; *Потанин* 1881b: 142>).

⁵⁶ О Шидурху смотри ниже.

⁵⁷ Ср. жилакт дракон в татарских преданиях Казанской губернии, Змиулан наших сказок. В алтайских сказках темным силам иногда придают имена Катын-джула, Кара-

К числу урочищ, в имени которых находится это слово, принадлежит Улан-гом, на котором стоит монастырь хошуна дурбютского Вана. Мы записали на месте предание, что там, где стоит теперь монастырь, некогда жил Лун-хан, то есть царь драконов; это обстоятельство отчасти оправдывает наше предположение, что под именем улан иногда следует разуметь лун или илан, то есть змея⁵⁸. Таким образом, Улан гом и Линг-хум⁵⁹ могут быть признаны тождественными фор-

кула. Ср. змея, по-тунгусски кулин (<Castren 1856: 110>), на языке койбалов: джилан, чилан; сойотов: челан; карагасов: чулан (<Castren 1857a: 156>). Вероятно, это же слово, а не камень, как следует из прямого смысла, нужно видеть в названии одного хотогойтского поколения Чилун (чило по-монгольски камень), а также это же слово чулан, змея, может быть, подало повод по недоразумению к сказке, что урянхайский народ происходит от камня: такое поверье мы слышали от монголов. Под именем «чилун» древние сказания, вероятно, разумели змея-громовника, которого, как увидим ниже, племена северной Азии принимали за творца вселенной и родоначальника человечества.

⁵⁸ Приблизительно в тех местах, где ныне находится Улан-гом, китайские летописи помещают город Иланьджеу, змеиный город. И условия, благоприятные для жизни и хлебопашества, дающие Улангому первое место в ряду плодородных оазисов северо-западной Монголии, и предание о Лун-хане, а также и указание местности вблизи Улангома, где была в древности ставка какого-то Бошокту-хана, говорят за то, что летописный Иланьджеу надо искать в Улангоме.

⁵⁹ Ориенталисты вслед за Рашид-Эддином в слове хум видят китайское слово гун, князь. Хун встречается в титуле джунгарских ханов, Хун-Тайджи (ср. Улан-хун-тайджи, предок хотогойтцев); в объяснение этого титула рассказывали, что предок этой фамилии был выкормлен лебедем (хонг или хунг по-монгольски). У остяков и самоедов слово хан, царь, господин встречается в формах хон, кан, конг, гонг, гунг, кунг и даже гок, кок, гук (<Castren 1855: 235, 239; 1858: 114>). Эти видоизменения могут быть истолкованы таким родом: слово конг, гонг, гунг на первобытном языке народов северной Азии означало громовника и затем перешло к обозначению старейшины, князя и других высших степеней родovitости. Ср. хег идол у большеземельских самоедов <ЭС РГО IV: 57>; у Шренка ha, haj <Schrenk 1854: 272>. Гром по-самоедски у Кастрена hae, hang, kajuang, khäng <Castren 1855: 212>; у Шренка: hajgho, где haj – делает примечание Шренк – напоминает идола; молния hajendu, буквально огонь идола (<Schrenk 1854: 281>); енисейские остяки, кроме высшего божества Es, почитают еще двух сильных богов: Кой или медведя и Бангус, подземное божество; Кастрен думает, что под последним скрывается мамонт; Кой – мужское начало, Бангус – женское; см. <Castren 1853: 228>. Медведь у енисейских остяков называется хоі, коі; см. <Castren 1858: 233>. Все это, по-видимому, версии одного и того же речения hang или khäng, обозначавшего первоначально медведя-громовника, и затем оно перешло к обозначению идолов или онгонов и некоторых других животных, кроме медведя; так тобольско-татарское анг, олень, сделавшееся у других татар родовым: анг, вообще животное, означало, вероятно, медведя; резкий крик лебедя заставил и на него перенести этот корень: хонг, хунг, лебедь монгольское; чинг, тенг, ценг id., остяцкое (которое с выпадением носового *h* переходит в тег, лебедь). С выпадением носового *g* из формы конг, гунг и проч. получена форма хан, хон, гун, кун; отсюда кунь в татарском выражении кунь-кунгреды, гром гремит (см. <Будагов 1871: ар. 164>); монгольское гун, князь; с выпадением носового *h* получена форма: гок, кук и др., которые в татарских язы-

мами; осмеливаемся высказать догадку, что это было одно из имен громовника. Рядом с ним можно поставить еще третье монгольское слово – лун-сумын, громовая стрела (то есть стрела каменного века), слово, которое, собственно, отличается только переходом во втором члене звука *x-z* в *c* и приставкой к нему другого окончания⁶⁰. Не следует ли допустить, что лун-сумын первоначально означало вообще грозу или громовника, и только впоследствии значение его ограничено одной громовой стрелой⁶¹? Не совсем то же, но в том же роде ограничение смысла можно видеть в слове качинских татар «тор», что означает молнию; слово это, вероятно, сокращено из тэнгри или тангара, небо, как принимается всеми за подобное же сокращение того же слова остяцкое торум, небо, чувашское тора, небо. Третий случай такого же сокращения значения представляется в монгольском слове тэнгриин-ху, гриб; буквально тэнгриин-ху значит сын неба; навязывается вопрос, с какой стати такое название дано неважному растению? Мы объясняем себе это обстоятельство таким образом: тэнгриин-ху было имя медведя-

как употреблены для обозначения неба, а потом и голубого цвета. В Монголии некоторые высокие горы называются Хан-Хухей, Алтын-Кукей; мы думаем, что под этим именем скрывается нечто более важное, чем кукушка, как это следует из прямого смысла второго члена. Замечательно, что для обозначения крика кукушки у алтайцев и чуваш употребляются глаголы того же корня эт, адать, которым обозначается небесный гром; по-чувашски гром гремит: аслади адать, кукушка кукует: кук авдать; по-алтайски гром гремит: тэнгри этыб јат, кукушка кукует: куук этыб јат.

⁶⁰ По-бурятски стрела хумо или гомо. Ленточки, навешиваемые на деревья, кузнечные телеуты называют сомо; это может служить подтверждением, что под сомо, хумо, хум и т. д. разумелся змей.

⁶¹ Кун также находит возможным такой обмен, только в обратной последовательности; именно, он говорит, что Kutsa есть олицетворение *donnerkeil*'я, а ранее самый *donnerkeil* (<Kuhn 1859: 60>). Что громовые стрелки ставились в связь с громовником, об этом свидетельствуют поверья о них, как русские, так и азиатские. У нас в деревнях громовые стрелки летом зарывают на пашнях, чтобы дождь был; во время грозы стрелку спускают в ведро с водой в уверенности, что в дом, где стоит такое ведро, не ударит молния. Вероятно, это поверье было поводом к тому, чтобы приписать сверхъестественную силу камню нефриту или ядеиту. Самое название этого камня напоминает мифический камень джада или дзада, который так старательно разыскивают монголы и урянхайцы, и которому приписывается свойство производить дождь. В России существует поверье, что змея *мьдяница* (или медянка) целый год бывает слепа и только на Иванов день получает зрение и тогда, бросаясь на человека, пробивает свою жертву насквозь, точно стрелой. Трава медяница зарождается от гниения гадюг; растет слепою, зрение получает в Иванов день и, когда увидит человека, бросается на человека и пробивает его насквозь. Заговор от родимца: «на море на океане стоит медный столб от земли до неба и в том столбе закладена медная медяница от болезней и хворостей» (<Афанасьев 1868: 527>). Тарбагатайские торгоуты, в случае болезни вымени у коров, лечат, прикасаясь к нему лун-сумыном, то есть найденным в степи медным наконечником стрелы (бронзового периода). Поверья о змеях у монголов также есть: они живут в земле, и когда на них упадет тень, например, от каравана, бросаются с такою силой, что пробивают верблюда с вьюком насквозь.

громовника⁶²; это была версия слова тэнгри-хан; дикарь подметил, что грибы обильно выходят после грозы, и дал обоим явлениям одно имя. Тут помогало обобщению, может быть, и отдаленное сходство гриба с очертанием стрелы⁶³.

В Алтае часто встречаются речки под названием Хаир-Кумын; так как это горные речки, текущие из белков, то происхождение их имени весьма естественно искать между именами громовника. Мы уже в слове Джаик имеем пример обобщения громовника с горным потоком или наводнением. Первый член приведенного имени: хаир, совершенно тот же, что в монгольском слове хаир-хан, гора-громовник, члену хан соответствует кумын⁶⁴; это внушает мысль, что хаир-кумын было таким же именем громовника, как и хаирхан и лун-сумын. Ввиду такого соображения мы название одного из притоков озера Убса, именно Нарин-сумын, предпочитаем поставить рядом с алтайскими хаир-кумынами вместо того, чтобы переводить «тонкая стрела», как это следует из прямого смысла; принимая, что сумын соответствует кумыну, в слове нар следует видеть еще одно из имен громовника; что имя этого корня придавалось ему, подтверждение тому мы видим в одном монгольском сказании о Нарбанджине, где последний ударом по столу производит пламя. Приведем еще случай, который говорит в пользу соотношений слов хаир-кумын и лун-сумын. Растение *Synopogon coccineum* носит на киргизском языке имена: каир или сум-гуя; можно думать, что эти два имени прежде были соединяемы и составляли парное имя каир-сум; такое имя растение могло получить за свой странный пестообразный вид, способный вызвать представление о громовой стреле.

Чтобы исчерпать содержание формы «люнг», приведем еще из остяцкого языка название мыши, лянгер или тенгер; в этом языке есть звук средний между *л* и *т*, для которого в словаре Кастрена изобретена особая буква; поэтому в записях путешественников для одного наречия для мыши дается название тенгер или тенгар, для другого лянгер⁶⁵. Не относится ли люнг к лянгер и остяцкое тонг, белка, к тенгар, так же, как татарское канк (откуда канкылдадып) к корню кангра, алтайское шанг, колокол, к корню шангра? Не было ли лянгер также именем громовника, как тенгир или тенгри⁶⁶. Нынешний князь ельджигенов называется

⁶² Этим же только мы объясняем появление Тэнгриин-ху в качестве личного имени одного из монгольских богатырей.

⁶³ На идейную связь грибов с громовником указывает слышанное нами в Монголии поверье о грибе-дождевике, (который по-монгольски называется Тэнгриин-дуле), что если черный порошок его попадет в глаза человеку, то он ослепнет, а акт ослепления часто участвует в поверьях и сказаниях о громовнике.

⁶⁴ Другие речки кончаются на гом (Джингегом, Арыгом, Шаргыгом; замечательно, что последнее название прилагается к реке в системе Шишкита, то есть в стране, очень удаленной на восток от Алтая) или на гем и кем (Элегем, Арыкем, Улегем). Улегем у г. Бунге, путешествовавшего по Алтаю, назван Улегуменом, хотя во время проезда по Алтаю меня уверяли приказчики, что эта речка никогда таким образом не называлась, но ввиду существования формы кумын было бы поспешно отвергать возможность подобного наименования.

⁶⁵ Ср. название большого озера Улюнгур в Джунгарии.

⁶⁶ Ср. якут. лынгкыр, звон.

Лу-гун, то есть князь-дракон; по Рашид-Эддину, предок тех же ельдзигенов назывался Мисер-улюк <Записки Имп. Арх. Общ. 1858: 153–156>. В этом «улюк» как будто скрывается люнг – или улюнг, измененное потерей носового *н* вроде того, как шилюнгун, по-халкаски рысь, в бурятском превращается в чулугун, рысь; если это так, то Лу-гун есть не что иное, как нынешнее произношение Рашид-Эддиновского Линг-хума.

Существование двух форм для адского божества: Ерлик-хан и Ерлен-хан также намекает на то, что существовала первоначальная, более полная форма: ер-ленг, или ер-линг⁶⁷. Следует заметить, что Ерлик алтайцами представляется со змеей в руке вместо плети, следовательно принадлежит к громовникам.

О громовнике Сартактае можем сообщить немного. Что это был громовник, видно из рассказов о том, что он прорывал каналы, разделявал пути, мостил мосты; подобно нашему громовнику Илье Муромцу, он также оставил след своего сиденья, только не на печи, а на скале (близ р. Катуня); алтайцы указывают также на камень, который он употреблял для бросанья в дичь. Камень этот называется кудурго-таш, будто бы от слова кудар, поднимать; алтайцы пробуют на нем свою силу, стараясь поднять его; но имя это напоминает также название громовника, по-черемиски кудурчо, по-вотяцки кугурья или гудури. Сказания о Сартактае распространены только в стране между Катунью, оз. Убса, городом Кобдо и оз. Зайсаном; в восточной части Монголии его не знают, но здесь, в окрестностях Косокола, и у бурят появляется имя сардык для обозначения высоких гор (белков и гольцов); следовательно, оно значит то же, что хаирхан в западной Халхе. Между зверями это имя прилагается к сеноставке, живущей на высоких горах вблизи снежной линии (по-монгольски шарьтехе). Определеннее выступает громовник под этим именем у якутов; об них прямо говорится, что они громовнику дают имя Сюрдах-сюгэ-тоен; обыкновенно это имя переводится: сюрдах – злой, сюгэ – топор, тоен – господин. Вернее, по нашему мнению, видеть в сюрдах особое произношение имени Сартактай или Сартак, в сюгэ – слово одно-

⁶⁷ Буряты в своих сказаниях дают ему имя Ерлен-Номон-хан. Мы уже приводили выше, что номон по-монгольски крыса и крот, ерлен по-алтайски крыса; с тем же значением слова: тат. ёрлян, гор. черемис. ёрлэнга, лугов. черем. орланге; по-чувашски арлан, крот (<Золотницкий 1875: 6>). Крот также связывает ерлика с идеями о громовнике, потому что о кроте есть монгольское поверье, что его преследует молния. Ерлен-Номон-хан было, вероятно, именем громовника, которое потом перешло с гонителя на предмет гонения. Монгольское имя крота сохор-номон, бурятское моно-сохор также можно принять за имя громовника; сохор, сокур могло образоваться от корня хонгро. Полная форма: хонгор или сонхор присвоена монголами соколу, по-киргизски сункар; ср. хонкире монгол. ворон, и название одного из предков монгольского народа по книжным сказаниям Бай Санкур (в Юань-чао-миши Бо Санкур); из этой формы через опуск носового *н* могло образоваться сохор, что теперь по-монгольски значит слепой. Путь, которым это слово пришло к такому значению, был, вероятно, такой: сначала этим именем назывался громовник, потом сохор или номон-сохор перешло на гонимого зверька, потом, так как слепота есть особенность зверька, форма сохор стала означать вообще слепого или кривого. Примеров тому, что слепота соединялась с идеей о громовнике, можно было бы привести довольно.

го корня с дзеген, сиягань, то есть росомаха (ср. сяхен – гром, по-вогульски) и, наконец, тоен есть то же, что таян, дзаян и т. п., о котором сказано выше, значение же «злой», которое придается слову сюрдах, показывает, что это имя придавалось дикому зверю, с которым смешивалась личность громовника.

В восточной части Монголии, где исчезают сказания о Сартактае, его место занимает Чингис-хан; во многих местах показывают здесь следы его деятельности: ему приписывается проложение дорог через хребты и т. д. Указывают на его котел, на вершину его юрты и т. п. Это хождение по горам, а также приписывание ему изобретения вина и сказания о том, что он был кузнец, указывают на его громовнический характер⁶⁸. Замечательно, что сказания о кузнечном искусстве, в связи с представлениями о громовнике, начинают встречаться только в восточной Монголии; в западной Монголии, где имя Чингиса менее известно, и в сказаниях заменяется другими (Сартактай, Одун-бодун), мне, по крайней мере, не удалось записать ничего подобного. Молоток вместо меча в руках богатыря, встречающийся иногда в монгольских сказаниях, не встречается в алтайских. В восточной же Монголии указывают скалу, бывшую наковальней Чингиса. Буряты имеют сказания о начале кузнечного дела и о первом кузнеце; кузнецы бурятские имеют особых фетишей, у бурятских шаманов в числе привесок к орудиям камлания встречаются железные изображения наковальни и молотка. Что касается до имени Чингис, его можно видеть, отбросив окончание *ис*, в названии лебедя: по-остяцки: ченг, ценг, чинг, ченга, по-самоедски *jankuâ* <Castren 1855: 277>, у монголов и бурят хонг, хунг <Castren 1858: 253, 120; 18576: 213>. Ввиду того, что было нами сказано выше по поводу остяцких форм конг, кунг, царь, самоедских ханг, кенг, гром, навязывается вопрос: названия лебедя хонг, хунг, чинг, ценг не суть ли термины громовника, перешедшие на птицу за ее резкий крик⁶⁹? К тому же корню можно подвести татарское анг, вообще животное; что оно было когда-то видовое, указывает, как мы говорили, существование тобольско-татарского анг, олень.

Слово анг является, как окончание многих татарских имен зверей: арслан – лев, по-татарски, лисица, по-мещеряцки, шишкан – мышь по-татарски; в более удлиненной форме: орланге – крот по-чувацки; солонго – колонок по-монгольски, шилонгун – рысь по-монгольски, унюгун – лисица по-монгольски. Эта удлиненная форма напоминает остяцкое: анге, мать (ср. татар. анеке, мать). Тут

---

⁶⁸ Чингис-хан по Санан-Сэцэну (<Schmidt 1829: 103>) умер насильственной смертью, но какой, не сказано; Плато-Карпини говорит, что он убит молнией, а Марко Поло, что он умер от стрелы, которая попала ему в колено (<Там же: 388>). У Санан-Сэцэна, напротив, Хасар убивает, попав стрелой в колено, старуху, которая при осаде тибетского города насылала на войско Чингис-хана болезни. Не находятся ли эти рассказы о ране стрелою в колено в связи с мифической хромотой громовника? Громовые стрелки киргизы употребляют для излечения болезни домашних животных, которая кончается хромотой задней ноги (<Потанин 18816: 92>). Ср. рассказы о болезни ног у хонкиратов, ирхитов. Ерлика алтайцы представляют хромым.

⁶⁹ В татарских наречиях монгольское хунг приняло форму ку, что может служить подтверждением нашего мнения о именах Тэнгри-хан и Тэнгри-ку, как о версиях. См. выше про тэнгриин-ху.

возникает вопрос: имена ли громовника и медведя произошли от анге мать, или мать получила почетное имя медведя-громовника из почтения⁷⁰?

Название Абыс встречается в сказании о Тостогоше; хан пожаловал ему имя Абыс-хан после того, как он невредимо вылетел из огня. В словаре алтайского языка, приложенном к Алтайской грамматике (Казань, 1869), абыс переведено: священник; дальнейших объяснений не сделано. Слово это мы встречаем и у татар-мусульман Европейской России, где оно придается духовным лицам как почетное имя. Несомненно, что это слово – абориген южной Сибири и, вероятно, означает то же самое, что и у тункинских бурят слово абтай, то есть первостепенного, искуснейшего, истинного шамана, а прежде, вероятно, означало громовника⁷¹. Один алтаец выразился в разговоре со мной, что Абыс – это небо; следовательно, значение громовника под этим словом еще и теперь чувствуется жителями Алтая. Это же слово, несколько измененное произношением у алтайцев, является в соединении с именем громовника; высшее божество у них называется Ульген Кайракан Эбош <Radloff 1862: 190>. На мулл и священников это имя перешло потому, что в нем заключалось понятие о чем-то высшем сравнительно с обыкновенными шаманами, которых сказания стараются перед шаманом-громовником выставить обманщиками, ложными шаманами. Что касается до бурятского абтай, то и оно, по-видимому, придавалось громовнику; есть монгольское сказание о Абтай-хане, добывающем живого бога, под которым нужно разуметь огонь⁷².

Гесер-хан есть герой одного обширного монгольского книжного сказания, которое имеется в немецком переводе, сделанном Шмидтом. В Монголии это имя довольно известно; замечательно, что при расспросах о нем, монголы называют его божеством китайским⁷³. Начало этих представлений нужно, кажется, искать у урянхайцев, алтайцев и теленгитов. Урянхайцы на Хуахеме знают некоего Чингис-Кэзэр-Кайракана; ему приписывается сотворение всей природы после всеобщего потопа; упоминают этим имена и отдельно одно от другого; на вопрос, кто изобрел водку, в одном месте мне ответили: Кэзэр-хан; это показыва-

⁷⁰ Имена Чингизан, речка, впадающая в Иркут, Чингизанг – поколение у телеутов, Джангызак поколение у киргиз показывают, что версия анг приставлялась вместо хан к имени Чингис. Что касается до самого имени, не есть ли оно только видоизменение слова Тенгис, которое, как и венгерское *tenger*, ныне значит море, но прежде, вероятно, означало громовника?

⁷¹ Аптах – по-якутски шаман; абасы – злой дух; абасы-цусунâ (по <Böhtlingk 1851: 6> абасы цусунâ – прим. ред.) – идол <Böhtlingk 1851: 6>. В Монголии я записал поверье об абтахериме; летом абтахерим бывает птицей, зимой превращается в мышь и живет в воде.

⁷² Ср. 1) мордовск. офта, медведь; самоедское *habide*, *hajbide*, *hajwede*, медведь (<Schrenk 1854: 286>); 2) Обида в «Слове о полку Игореве»; 3) абада – баба-яга по чувашски; 4) Оптина пустынь построена на месте, где жил разбойник Опта (<Памятная книжка 1861: 287>). Корень об–аб в именах медведя очень распространен: чуваш. оба, алт. аба, урянх. на р. Хуке: убук (ср. убугун, монгольск. старик); вогульск. *aba*, *oape*, *ohboa* (<Pallas 1831a: 65>); самоед. апы (см. работы И.С. Полякова (/ Поляк. litt)), качин. тат. *awa* (<Pallas 1831a: 64>), тунгус. *ороѝ*. Ср. Афы, громовник у абхазцев; см. выше.

⁷³ Как понимать эпитет «китайский» в монгольских сказаниях, я скажу в статье о Семизвездце.

ет, что Кэээр-хан есть лицо тожественное с Чингис-ханом, которому изобретение вина приписывают монголы, да и сами урянхайцы выражаются, что все эти три лица есть одно и то же. Далее рассказывается о споре или состязании в силе у трех кайраканов – Кэээр-хана, Чингис-хана и Амурсаны; сильнее всех оказывается Кэээр-кайракан. У теленгитов является Газыр-гам, под которым, вероятно, скрывается тот же Кэээр-хан; Газыр-гам современник Тостогоша, он вместе с ним вылетел из огня невредимо; затем ему приписывается борьба с Ерликом, причем он отрубает лапу у Ерликовой собаки. В другом алтайском сказании Кэээр является богатырем, а не шаманом; он вступает в борьбу с Сартакпаем (Сартактаем?); Сартакпай прострелил Кэээру грудь насквозь, но Кэээр не заметил этого и, обливаясь кровью, проехал мимо. В других сказаниях имя Кэээр придается самому Сартактаю; так у Радлова <Radloff 1866: 188> этот богатырь назван Сартактай Кэээр; у теленгитов слово кэээр стало нарицательным и означает просто богатыря. К сожалению, мне не удалось собрать у теленгитов и урянхайцев более подробных рассказов об этой мифической личности, способных осветить темное сказание о Чингис-хане, в особенности то его место, где выступает на сцену брат его Хасар.

Дорджи Банзаров в одной из своих статей приводит имя некогда жившего в Монголии знаменитого шамана, Чингис-Хаджира-Тэнгриин-ху, то есть сына неба; Банзаров, по-видимому, не принял этого шамана за тожественное лицо с Чингис-ханом, да ему и трудно было слить их: один был в глазах его шаман, другой – хан. Мы смотрим на это сказание иначе; в книжном сказании о Чингис-хане мы видим двух Чингис-ханов: исторический Чингис-хан, завоеватель, выступает только в конце сказания, в начале же, в эпизодах о Ван-хане и Таян-хане (подробности о чем оставляем достать и о Ване), мы видим баснословную личность, и эти имена: Чингис-хан, Кэээр-кайракан, Чингис-Кэээр-кайракан, Чингис-Хаджир-бо⁷⁴ Тэнгриин-ху, Газыр-гам, по нашему мнению, все относятся к одной и той же мифической личности, к Громовнику.

Рашид-Эддин также знал Гесер-хана; он говорит, что иначе он называется Гадер-хан, и что этим именем называется какое-то сильное лекарство⁷⁵.

У киргиз есть поверье о святом Кадыре или Казыре, что где он пройдет, там окрестности покрываются свежеею зеленью; ср. Хизр, имя пророка Илии у му-

⁷⁴ У дюрбютов есть поверье, что птица хаджир или тас живет на родине Шикджимуни (Шакиямуни) и оттуда видит, где лежит труп; как бы это место ни было далеко, она в один день долетает до трупа, поднимаясь при этом под самое небо. Та же птица тас у урянхайцев называется езер; у карагасов под именем esirä, esëra известна цапля, Reiher (<Castren 1857a: 154>). У остяков Нарымского края на Оби под именем каджар известен мамонт; по Григоровскому (в рукописи) козар; мамонт, по Кастрену, kosar, kossar, kossari (<Castren 1855: 250>; ср. кыр, по-татарски мамонт в старинном хронографе <Попов 1866: 261>). Оба животных по своим признакам могли быть обобщаемы с громовником.

⁷⁵ Имя знаменитого мифического героя Гесер-хана аларские буряты произносят Гэгэр-хан, что напоминает имена Гэгэр Меджит (см. <Потанин 1881б: 154>), Бикармадзиди, Викрамадитья. У алтайцев также встречается в числе могущественных духов Кыгыр-хан; ему приносят жертвы. Все эти вариации Кэээр-хан, Кыгыр-хан, Кадыр-хан (см. ниже) соответствуют приведенным в начале статьи наименованиям грозового явления: кузюрт, кугурт, кудури.

сульман⁷⁶. Тут можно видеть темные намеки на Громовника; по-монгольски кабарга⁷⁷, живущая на высоких горах, где ходят облака, называется худури (произносится иногда худурь, худырь)⁷⁸; по-татарски кабарожья и бобровая струя – кайр. Не на это ли вещество намекает Рашид-Эддин? Ср. вотяцкое слово гудури, гром, черемисское кудурчо, бог-громовник. Может быть, и монгольское легендарное имя Шидыр-ван или Шидурху⁷⁹ находится в связи с этими же наименованиями, так что название дикого хмеля (*Atragene alpina*), по-монгольски чюдур-убюсу, может быть составлено вроде урянхайского кайракан-крыжи, тетива Громовника, и значение пут слову чюдур придано впоследствии по сходству седельного прибора с растением⁸⁰.

У чуваш и черемисов мы встречаем мифологическое имя Пигамбар или Пиамбар. По чувашским понятиям, Пигамбар есть дух, раздающий людям добрые качества и сообщающий йомзям (шаманам) пророческие видения; он – покровитель домашнего скота, охраняющий его от хищных зверей, над которыми он имеет власть, так что волки называются «пигамбаровыми собаками», подобно

⁷⁶ В начале статьи были указаны сходные формы гудури, вотяцкая и кузурт алтайская, для обозначения грозового явления. Подобное же изменение звуков представляет имя растения *Peganum Harmala*, которое по-киргизски называется адр-аспан, по-бухарски хазар-асбанд, хазар-испан, у крымских татар юзерлик (<Анненков 1878>). Растение это употребляется для одурения или опьянения; ср. езір, есрык, пьяный по-татарски; Гесерхану, как мы упомянули выше, одно из записанных нами показаний приписывает изобретение вина. По поверью русского народа, если не это самое, то родственное ему растение (*Ruta graveolens*) также связывается с Громовником; на Дону суеверные поселяне верят, что во время грозы рута есть убежище дьявола от грома, и что гром бьет в то место, где растет эта идольская травка (<Анненков 1878: 307>).

⁷⁷ Сахалинские айны по *Депрерадовичу* (<Депрерадович 1879: 27>) кабаргу считают священным животным, и обида ей навлекает пожар.

⁷⁸ В первоначальной истории Казанского царства упоминается под 1359 г. пришедший с востока из Хивы Хедзер-хан (заяцкий хан Хидыр); см. <Фукс 1836: предисловие, XIII>. Действительно ли это историческая личность? Тот же обмен звуков замечается и в названии жеребца: у монголов адзирга, по-якутски атыр, по-киргизски и по-татарски айгыр. Не идут ли эти формы от корня ангра, ангыр? С произношением аларских бурят Гегерхан ср. каббалистическое слово кагир-кидар, которым один священник лечил зубную боль (см. <Добротворский 1874: 36>), а также кагыр – камень чувашских заговоров (<Золотницкий 1875: 186>).

⁷⁹ Шидырмак – по-чувашски трещотка.

⁸⁰ Другое, очень близкое к *At. alpina* и также вьющееся растение, именно *Clematis orientalis*, хамийские сарты называют мангдыр. Выше была уже указана форма Мудури, манджурское имя Громовника. См. также <Остроумов 1879: 31> – о Модур-хане: бог громов у даур-солонгов Модур-хан; он начальник над модорами – духами, как Тэнгриинхан и мелкие духи тэнгрии у монголов; у камчадалов Громовник, Билюкай или Пилячучь, также главенствует над горными духами камул' ами; см. <Крашенинников 1786: 74–75>. Модур-хан изображается сидящим на змие с рыбьим хвостом и имеющим две пары рук: одною парой он мечет стрелы, другою – бьет в барабан. Все эти имена: Шидыр, Кадыр, Мудури, Модор, мангдыр (ср. мундур, град) не были ли первоначально именами Громовника?

тому, как в Малороссии волки известны под именем Юровых собак⁸¹. На сходство Пигамбара с Георгием Победоносцем указал еще Сбоев. В молитвах, обращенных к Пигамбару, чувашаи просят: «не делай нам зла, удерживай собак!» <Золотницкий 1875: 202, 203>. У черемисов Пиамбар – младший жрец, помощник карта (шамана), у вятских Пиамбар – великий пророк, помощник верховного бога <Золотницкий 1877: 23>. Покойный Золотницкий видел в этом имени персидское слово пейгәмбәр, пророк, и вообще полагал, что шаманские поверья и сказания чувашей складывались и развились после появления ислама в крае, и языческие верования заимствовали из ислама имена и другие внешние черты. Нам кажется не только странным, но даже и немыслимым такое преобразование предметов почитания ислама; если и допустить, что имя Пигамбар не туземное, а занесенное исламом, то и тогда нужно принять, что образ, который теперь носит это имя у чувашей, существовал уже у них до введения ислама; за это говорит родство мифологических представлений населения, живущего в пределах прежнего Болгарского царства, с шаманскими сказаниями южно-сибирских инородцев; разбору этих родственных черт мы посвятим особую статью. Кроме того, есть данные, которые наводят на мысль, что имя Пигамбар возникло на шаманской почве. Черты, которыми обставлено это имя у чуваш, указывают, что под ним скрывается Громовник. Все, что относится к радуге, по близости ее к грозovому явлению, должно представлять почву, на которой нужно искать годные для занимающего нас вопроса материалы; радуга иногда даже прямо называется луком Громовника. Киргизское ее название, кемпырнынз-кусагы, название с первого взгляда странное, потому что кемпыр – старуха, кусак – веревка, к которой привязывают овец на ночь. Чтение русских загадок и южно-сибирских сказок внушает убеждение, что наши предки любили представлять звезды овцами, а месяц – пастухом; но в таком случае овцевязью приличнее было бы назвать Млечный Путь, а не радугу, являющуюся только на дневном небе⁸².

Легенды для объяснения этого названия, распространенного от Черного Иртыша до Омска, кажется, нет. Понятием старухи, вероятно, смысл имени Кемпыр

---

⁸¹ Подобным же образом дархаты, обитающие в долине р. Шишкита, волков называют Тэнгриин-нохой, то есть собаками Тэнгрия (Громовника?).

⁸² Впрочем, радуга может быть представлена в виде кусака по мифической связи грозового явления с доением молока; кочевники Средней Азии обыкновенно доят овец, привязав к кусаку (в таком случае овцы будут не звезды, а облака). Слич. поверья вендов о ведьме, которая вешает веревку за печь в час, когда в деревне всеобщее доение, и молоко течет по веревке в ведро ведьмы, а коровницы уходят от своих коров с пустыми поддонниками. В одной деревне все коровы перестали давать молоко; оказалось, что была ведьма, которая посредством веревки сливала молоко всех коров в свой поддонник; тут очевидно представление о засухе; веревка – это радуга; о радуге существуют поверья, что она пьет или сосет. Эти поверья указывают на связь представлений о ведьме и Громовнике. У одного учителя, по поверью тех же вендов, была корова, которая давала необыкновенно много масла; заметили, что корова жует веревку, из конца которой учитель (вместо, может быть, шамана или шаманки) доит молоко; веревка лежит на спине коровы, глаза коровы дьявольски блещут. Что это дракон – указывает вид коровы: огненные глаза, загнутый хвост (<Veckenstedt 1880: 259, 283, 287>).

не ограничивается; это имя встречается между киргизскими поколениями в Тарбагатае <Потанин 1881а: 4>; следовательно, оно может быть принято за имя родоначальника, а родоначальником нередко считается Громовник.

В числе героических имен у киргизов встречается Камбар-бий; оно находится в одной былине, записанной Радловым <Radloff 1870: 112>; мы сами имеем целую былинку о Камбар-бие, записанную в Киргизской степи около Баян-Аула. Не следует ли в Кемпыре видеть измененное Камбар, а в Пигамбаре – Камбар-бия с перестановкой составных частей? В своем словаре Золотницкий приводит названия радуги, употребляемые в Поволжье: по-чувашски она называется сурень-киберь, съувек-киберь, салават-кибери; по-татарски – салават-купре; под вторым членом и по-чувашски, и по-татарски разумеется мост. Но сравнивая это имя с названием радуги у киргизов и у крымских татар (у последних вместо киргизского кемпырнынз-кусаки радуга называется ямгур-кушакаы; сообщено г. Калачовым), есть вероятность полагать, что киберь, купыр только видоизмененное кемпыр или камбар с выпадением носового, как в словах вампир и упырь⁸³. В монгольских и башкирских сказаниях встречается мифическая стрела с собственным именем кюбур или куйбур⁸⁴.

Странное обстоятельство заключается в том, что имя Пиамбар напоминает два имени собаки: пи по-черемисски⁸⁵ и амб по-остяцки; ср. амба по-тунгусски тигр и злой дух (амбань, сановник по-маньчжурски; не от того ли же корня чувашское умбу, царь?). Что касается до формы упырь⁸⁶, которая является у чувашей под видом вубур, у казанских татар упыр, – о ней также существуют в Казанской губернии мифологические предания; вубуру приписываются затмения луны; чудовище же, которому приписываются враждебные действия против этого светила, в Средней Азии находится в связи с Громовником. На той же казанской почве записаны мифологические легенды о Зубейре или Чубаре, иначе Сафаре. Йыбар, выхухоль по-чувашски <Золотницкий 1875: 14>, по-персидски джуффар, id.; другое животное, доставляющее пахучую струю moschus, называется кабарга, алт. табаргы; название зверя нужно считать, по нашему мнению, первоначальным, пахучее же вещество получило имя уже по животному⁸⁷; ср.

⁸³ Что с этим корнем соединилось понятие о громе или трэске, свидетельствует татарск. кѳмбур (<Будагов 1871: ар. 163>). Пейгамбар на Кавказе горцами произносится пайхомар. Ср. грузинск. гамура или мегамура, летучая мышь (ღამურა и მეღამურა, т. е. uamira/meuamira, приблиз. значение – ночница – прим. ред.).

⁸⁴ См. между прочим в <Труды 1866: 107, 217>.

⁸⁵ У болгар есть колено Пиянцы, которые ведут свой род от Пия; Пий был первый сын Бога, имя его значило красный. Он научил свое потомство садить виноградники и делать вино; он же изобрел огонь и открыл железо, следовательно, был первый кузнец. В заключение Бог запер его в пещеру (<Веркович 1868>, цит. по: <Известия 1874: 9>). В этих чертах нельзя не узнать громовника.

⁸⁶ Ср. венг., собака эб вместо остяцкого амб.

⁸⁷ По-бухарски вонючее растение Skorodosma foetida (Scorodosma foetida/foetidum, Ferula assa-foetida, см. асафетида – прим. ред.) называется сасык-кавар или просто кавар (или кабар) (<Жиреевский 1874: 78, 129>). Тут же приведены варианты этого имени: кауряк, кэурек, стоящие как бы в середине между кавар – и каир, бобровая струя (<Там же: 182>).

также Джуппар, предок лошадей по киргизскому поверью. Совокупность этих фактов говорит за то, что под именем Вубур, Джуппар, Зубейр, кабар, табар разумелся Громовник⁸⁸, с которого эти имена перешли частью на героические личности, частью на животных, живущих на высоких горах или в воде. Обращаем внимание читателя на то, что выхухоль имеет еще другое название по-чуваши – удур, близкое к имени черемисского и вотяцкого Громовника гудуры, а также к монгольскому имени кабарги – худури и т. п. Убур близко к имени абыс, которое также относится к Громовнику; замена *c* через *p* обыкновенна в чувашском языке, например, хундур, бобр, вместо хундус и пр. <Золотницкий 1875>; в форме Пиамбар можно видеть тот же корень, но с сохранением носового звука.

(Окончание следует)

Литература

- Анненков 1878 – *Анненков (Анненковъ) Н.* Ботанический словарь (Ботаническій словарь). – С.Пб. : Типография Императорской Академии Наук (Типографія Императорской Академіи Наукъ), 1878. {*N. Annenkov. A Botanical dictionary. – Saint Petersburg: The Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1878.*}
- Афанасьев 1868 – *Афанасьев (Афанасьевъ) А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу (Поэтичскія воззрѣнія славянъ на природу). – М.: Издание К. Солдатенкова (Издание К. Солдатенкова), 1868. – Т. II. {*A.N. Afanasyev. Poetic views of the Slavs on nature. – Moscow: K. Soldatenkov Eds., 1868. – Vol. 2.*}
- Будагов 1871 – *Будагов (Будаговъ) Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий (Сравнительный словарь Турецко-Татарскихъ нарѣчій). – СПб. : Типография Императорской Академии Наук (Типографія Императорской Академіи Наукъ), 1871. – Т. II. {*L. Budagov. A Comparative dictionary of the Turkic-Tatar dialects. – Saint Petersburg : The Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1871. – Vol. 2.*}
- Веркович 1868 – *Веркович (Верковић/Верковичъ/Верковичъ/Върковичъ) С.И.* Описание быта болгар, населяющих Македонию (Описание быта болгаръ, населяющихъ Македонію). – М., 1868. {*S.I. Verkovich (Verkovič). A Description of the way of life of Bulgarians inhabiting Macedonia. – Moscow: The University Printing House (Katkov and Co), 1868.*}
- Вестник 1858 – Вестник Императорского Русского географического общества (Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества). – 1858. – № 10. {*Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society. – 1858. – No. 10.*}
- Гаврилов 1880 – *Гаврилов (Гавриловъ) Б.* Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний (Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній). – Казань: Типография А.А. Коковиной (Типографія А. А. Коковиной), 1880. {*B. Gavrilov. Pieces of folk literature, rites and beliefs of the Votyaks (Udmurts) of the Kazan and Vyatka Governorates. – Kazan, 1880.*}
- Грамматика 1869 – Грамматика алтайского языка / сост. членами Алтайской миссии (Грамматика Алтайскаго языка / составлена членами Алтайской миссіи). – Казань: Университетская Типография (въ Университетской Типографіи), 1869. {*A Grammar of the Altai Language / Compiled by members of the Altai Mission. – Kazan: The University Printing House (Press), 1869.*}
- Депредавич 1879 – *Депредавич (Де-Прерадовичъ) Ф.М. (Ф.М.)* Этнографический очерк Южного Сахалина (Этнографическій очеркъ Южнаго Сахалина) // Сборник историко-статисти-

⁸⁸ В числе слов, относящихся к звуку, к этому корню, может быть, относится чувашское шыбыр, род волынки (башкир. чыбыз, алтайск. сыбыскы и татарское сыбызгы – рожок, дудка, род флейты; чуваш. кобыс, тат. комуз, якут. хомус – скрипка; <Золотницкий 1875: 35, 109>).

- ческих сведений о Сибири и сопредельных ей странах (/Сборник историко-статистических свѣдѣній о Сибири и сопредѣльных ей странахъ.). – СПб.: „Русская Скоропечатня“ (П. С. Нахимова), 1876. – Т. II. – Вып. 1. {*F.M. Depreradovich (de Preradovich)*. Ethnographic essays on Southern Sakhalin // A Compendium of historical and statistical data on Siberia and neighboring countries. – Saint Petersburg: P.S. Nakhimov’s Russian Fast-printing House (Russkaya Skoropechatnya), 1876. – Vol. 2. – Issue 1.}
- Добротворский 1874 – *Добротворский (Добротворскій) М.М.* Русская простонародная медицина сравнительно с народной медициной сахалинских айнов (/Русская простонародная медицина сравнительно съ народною медициною сахалинскихъ Айновъ.). – Казань: Университетская Типография (/въ Университетской Типографіи), 1874. {*M.M. Dobrotvorskiy*. Russian folk medicine in comparison with the ethnic medicine of Sakhalin Ainu people. – Kazan: The University Printing House (/Press), 1874.}
- Древности 1878 – *Миллер В.Ф. (Миллеръ В.Ф.)* О лютом звере народных песен (/О лютомъ звѣрѣ народныхъ пѣсень. Д. чл. В.Ф. Миллера.) // Древности. Труды Московского археологического общества. (/Древности / Труды Московскаго археологическаго общества изданные подъ редакціею В.Е. Румянцова, Секретаря Общества.) – М.: [б.и.]/Синодальная Типография (/Въ Синодальной Типографіи), 1878. – Т. 7. – С. 1–18. {*V.F. Miller*. On ferocious beast of the folk songs // Antiquities. Proceedings of Moscow Archaeological Society. – Moscow: [n.p.]/At the Synodal Printing House, 1878. – Vol. 7. – PP. 1–18.}
- Ешевский 1870 – *Ешевский (Ешевскій) С.В.* Сочинения. (/Сочиненія С.В. Ешевскаго.) – М.: Издание К. Солдатенкова/Типография Грачева и К° (/Издание К. Солдатенкова/Типографія Грачева и К°), 1870. – Ч. I. {*S.V. Yeshevskiy*. Works. – Moscow: K. Soldatenkov Eds./Grachev and C° Printing House, 1870. – Part 1.}
- ЖМН 1868 – Журнал Министерства народного просвещения. (/Журналь Министерства народнаго просвѣщенія.) – СПб., 1868. {The Journal of the Ministry of the Public Education. – Saint Petersburg, 1868.}
- ЖМН 1878 – Журнал Министерства народного просвещения. (/Журналь Министерства народнаго просвѣщенія.) – СПб., 1878. {The Journal of the Ministry of the Public Education. – Saint Petersburg, 1878.}
- Записки Имп. Арх. Общ. 1858 – Записки Императорского Археологического общества. (/Записки Императорскаго Археологическаго общества.) – СПб., 1858. – Т. XIV. {Proceedings of the Imperial Archaeological Society. – Saint Petersburg, 1858. – Vol. 14.}
- Записки Рус. Геогр. Общ. 1869 – Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. (/Записки Императорскаго Археологическаго общества по Отдѣленію этнографіи.) – СПб., 1869. – Т. II. {Proceedings of the Ethnography Department of the Imperial Russian Geographical Society. – Saint Petersburg, 1869. – Vol. 2.}
- Захаров 1875 – *Захаров (Захаровъ) И.И.* Полный маньчжурско-русский словарь. (/Полный маньчжурско-русскій словарь.) – СПб.: Типография Императорской Академии Наук (/Типографія Императорской Академіи Наукъ), 1875. {*I.I. Zakharov*. A Comprehensive Manchu-Russian dictionary. – Saint Petersburg: The Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1875.}
- Золотницкий 1875 – *Золотницкий (Золотницкій) Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. (/Корневой чувашско-русскій словарь, сравненный с языками и нарѣчіями разныхъ народовъ тюркскаго, финскаго и другихъ племень.) – Казань: Типография Императорского Университета (/въ Типографіи Императорскаго Университета), 1875. {*N.I. Zolotnitskiy*. A Stem Chuvash-Russian dictionary, compared with languages and dialects of different peoples of Turkic, Finnic, and other origins. – Kazan: At Printing House of the Imperial University, 1875.}
- Золотницкий 1877 – *Золотницкий (Золотницкій) Н.И.* Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис. (/Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ черемисъ.) – Казань: Университетская Типография (/Въ Университетской Типографіи), 1877. {*N.I. Zolotnitskiy*. Invisible world according to the shaman view of the Cheremis/(Mari) people. – Kazan: The University Printing House (/Press), 1877.}
- Известия 1874 – Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. (/Извѣстія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологи

- и этнографии.) – СПб., 1874. – Т. XIII. – Вып. 1. {Proceedings of the Imperial Society of Devotees of Natural Science, Anthropology, and Ethnography. – Saint Petersburg, 1874. – Vol. 13. – Issue 1.}
- Известия 1881 – Известия Императорского Русского географического общества. (Известия Императорского Русского географического общества.) – СПб., 1881. – Т. XVI: 1880 г. {Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society. – Saint Petersburg, 1881. – Vol. 16: Year 1880.}
- Киреевский 1874 – *Киреевский (Кирьевскій) И.В.* Флора наших среднеазиатских владений по алфавитному порядку туземных названий растений. (Флора наших среднеазиатских владений по алфавитному порядку туземных названий растений.) – СПб.: Типография П.П. Меркульева (Типография П. П. Меркульева), 1874. {*I.V. Kireyevskiy.* Flora of Russia's Central Asian possessions arranged alphabetically by indigenous plant names. – Saint Petersburg: P.P. Merkuliev's Printing House, 1874.}
- Крашенинников 1786 – *Крашенинников (Крашенинниковъ) С.П.* Описание земли Камчатки. (Описание земли Камчатки сочиненное Степаномъ Крашенинниковымъ, Академіи Наукъ Профессоромъ.) – СПб.: Императорская Академия Наук (при Императорской Академіи Наукъ), 1786. – Т. II. {*S.P. Krashenninikov.* A Description of the land of Kamchatka. – Saint Petersburg: at the Imperial Academy of Sciences, 1786. – Vol. 2.}
- Маак 1861 – *Маак (Маакъ) Р.К.* Путешествие по долине реки Уссури. (Путешествие по долине реки Уссури <...>.) – СПб.: Типография В. Безобразова и Комп. (в Типографии В. Безобразова и Комп.), 1861. – Т. I. {*R.K. Maak (Maack).* A Journey down the Ussuri River Valley. – Saint Petersburg: at V. Bezobrazov & Co Printing House, 1861. – Vol. 1.}
- О предрассудках... – О предрассудках в Нижегородской губернии, соч. А.М. (О предрассудкахъ въ Нижегородской губерніи, соч. А.М.) {On prejudices in the Nizhny Novgorod Governorate, by A.M.}
- Остроумов 1879 – *Остроумов Н.П.* Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства. – Казань, 1879. {*N.P. Ostroumov.* Chinese migrants in Semirechiye Region and the spread of Orthodox Christianity among them. – Kazan, 1879.}
- Памятная книжка 1861 – Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии ... на 1861 год / Калужский губернский статистический комитет. – Калуга, 1861. {A reference book and directory of the Kaluga Governorate ... year 1861 / Kaluga Governorate Statistical Committee. – Kaluga, 1861.}
- Попов 1866 – *Попов А.Н.* Обзор хронографов русской редакции. – М., 1866. – Вып. 1. {*A.N. Popov.* A review of chronicles of Russian edition. – Moscow, 1866. – Issue 1.}
- Потанин 1881a – *Потанин Г.Н.* Очерки северо-западной Монголии. – С.-Пб., 1881. – Вып. I. {*G.N. Potanin.* Essays on the North-Western Mongolia. – Saint Petersburg, 1881. – Issue 1.}
- Потанин 1881b – *Потанин Г.Н.* Очерки северо-западной Монголии. – С.-Пб., 1881. – Вып. II. {*G.N. Potanin.* Essays on the North-Western Mongolia. – Saint Petersburg, 1881. – Issue 2.}
- Риттер 1879 – *Риттер К.* Землеведение Азии. Т. V. Восточная Сибирь: озеро Байкал и прибайкальские страны, Забайкалье и степь Гоби. – СПб., 1879. {*K. Ritter.* The Asian Geoscience. Vol. 5. Eastern Siberia: Lake Baikal and Baikal countries, the Transbaikalia, and the Gobi steppe. – Saint Petersburg, 1879.}
- Рычков 1767 – *Рычков П.И.* Опыт казанской истории древних и средних времен. – СПб., 1767. {*P.I. Rychkov.* An attempt at ancient and middle history of Kazan. – Saint Petersburg, 1767.}
- Сборник 1869 – Сказки и басни, собранные и переведенные с аварского *Айдемир Чиркеевским* // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1869. – Вып. 2. – Ч. V. б). {Tales and fables, collected and translated from Avar by Aydemir Chirkeyevskiy // Collection of information about the Caucasian mountaineers. – Tiflis, 1869. – Issue 2. – Part 5. b).}
- Спенсер 1880 – *Спенсер Г.* Начала социологии. (Обрядовые учреждения) / пер. с англ., под ред. И.В. Лучицкого. – Киев, 1880. {*H. Spencer.* The Principles of sociology. (Ecclesiastical institutions) / Trans. from English, ed. by I.V. Luchitskiy. – Kiev, 1880.}
- Труды 1858 – Труды Восточного отделения Археологического общества. Ч. VI. Алтан-тобчи. Монгольская летопись, в подлинном тексте и переводе с приложением калмыцкого текста Истории Убаши-Хунтайджия и его войны с ойратами. Перевод ламы *Галсана Гомбоева*. – СПб., 1858. {Proceedings of the Oriental Department of the Archaeological Society. Part 6. The Altan Tobchi.

- A Mongolian Chronicle, the original text and a translation with addition of Kalmuck text of the History of Ubashi (Ubashi) Khong Tayiji and his war against the Oirats. A translation by *Galsan Gomboev, the Lama*. – Saint Petersburg, 1858.}
- Труды 1866 – Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1866. – Т. IV. {Works of members of the Russian Spiritual Mission in Beijing. – Saint Petersburg, 1866. – Vol. 4.}
- Труды 1872 – Труды Этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом. Т. III: Народный дневник. – СПб., 1872. {Works of the Ethnographic-Statistical Expedition to the West Russian territory, equipped by the Imperial Russian Geographical Society. Vol. 3.: The Folk Diary. – Saint Petersburg, 1872.}
- Труды 1873 – Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Том III. № 4. Путешествие к вогулам. Отчет Н. Сорокина. – Казань, 1873. {The Works of the Society of Naturalists at the Imperial Kazan University. Vol. 3. No. 4. A journey to Voguls (Mansi people). A report by N. Sorokin. – Kazan, 1873.}
- Фукс 1836 – *Фукс А.А.* Основание города Казани: повесть в стихах, взятая из татарских преданий. – Казань, 1836. {*A.A. Fuchs*. The foundation of Kazan: a tale in verse, taken from the Tatar oral traditions. – Kazan, 1836.}
- Фукс 1840 – *Фукс А.А.* Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. – Казань, 1840. {*A.A. Fuchs*. Notes by Alexandra Fuchs on Chuvash and Cheremis (Mari) peoples of the Kazan Governorate. – Kazan, 1840.}
- Шпилевский 1877 – *Шпилевский С.М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877. {*S.M. Shpilevskiy*. Ancient cities and other Bulgar-Tatar monuments in the Kazan Governorate. – Kazan, 1877.}
- Щапов 1863 – *Щапов А.П.* Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия (православного и старообрядческого) // Журнал Министерства народного просвещения. Кн. I. – С.-Пб., 1863. {*A.P. Shchapov*. Historical essays on folk worldview and superstition system (within the Orthodoxy, both of the New and Old rites) // The Journal of the Ministry of the Public Education. Book 1. – Saint Petersburg, 1863.}
- ЭС РГО IV – Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. – Санкт-Петербург, 1858. – Вып. 4. {Ethnographic collection, published by the Imperial Russian Geographical Society. – Saint Petersburg, 1858. – Issue 4.}
- Bachofen 1863 – *Bachofen J.J.* Der Bær in den Religionen des Alterthums [Медведь в религиях древности]. – Basel, 1863. (In German.)
- Böhtlingk 1851 – *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten. Theil 2. Jakutisch-Deutsches Wörterbuch. [О языке якутов. Часть 2. Якутско-немецкий словарь]. – St. Petersburg, 1851. (In German.)
- Castrén 1853 – *Castrén M.A.* M. Alexander Castrén's Vorlesungen über die finnische Mythologie [Лекции по финской мифологии] // Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén. – St. Petersburg, 1853. (In German.)
- Castrén 1855 – *Castrén M.A.* M. Alexander Castrén's Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen [Словарные указатели (из) самоедских языков] // Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén. – St. Petersburg, 1855. (In German.)
- Castrén 1856 – *Castrén M.A.* M. Alexander Castrén's Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss [Основы тунгусского языкознания с приложением краткого словарного указателя] // Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén. – St. Petersburg, 1856. (In German.)
- Castrén 1857a – *Castrén M.A.* M. Alexander Castrén's Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreises [Опыт койбальской и карагасской грамматики с приложением словарных указателей (из) татарских диалектов Минусинского края] // Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén. – St. Petersburg, 1857. (In German.)
- Castrén 1857b – *Castrén M.A.* M. Alexander Castrén's Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss [Опыт бурятской грамматики с приложением краткого словарного указателя] // Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén. – St. Petersburg, 1857. (In German.)

- Castren 1858 – *Castrén M.A.* M. Alexander Castrén's Versuch einer jensisei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen [Опыт енисей-остяцкой и коттской грамматики с приложением словарных указателей указанных языков] // Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén. – St. Petersburg, 1858. (In German.)
- Grundtvig 1878 – *Grundtvig S.* Dänische Volksmärchen. Nach bisher ungedruckten Quellen erzählt von Svend Grundtvig [Датские народные сказки. Пересказано по ранее неопубликованным источникам Свенном Грундтвигом] / Übersetzt von Willibald Leo. – Leipzig, 1878. (In German.)
- Kuhn 1859 – *Kuhn A.* Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks: ein Beitrag zur vergleichenden Mythologie der Indogermanen [Происхождение огня и божественного напитка: вклад в сравнительную мифологию индоевропейцев]. – Berlin, 1859. (In German.)
- Mélanges asiatiques 1859 – *Mélanges asiatiques tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg* [Азиатский сборник, взятый из Историко-филологического вестника Императорской академии наук в Санкт-Петербурге]. – St.-Petersbourg–Riga–Leipzig, 1859. – Т. III, livr. 4. (In French and German.)
- Mélanges asiatiques 1874 – *Mélanges asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg* [Азиатский сборник, взятый из Вестника Императорской академии наук в Санкт-Петербурге]. – St.-Petersbourg–Riga–Leipzig, 1874. – Т. VII, livr. 1. (In French and German.)
- Mélanges asiatiques 1877 – *Mélanges asiatiques tirés du bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg* [Азиатский сборник, взятый из Вестника Императорской академии наук в Санкт-Петербурге]. – St.-Petersbourg–Riga–Leipzig, 1877. – Т. VIII, livr. 1. (In French and German.)
- Mélanges russes 1860 – *Mélanges russes tirés du Bulletin historico-philologique et du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg* [Русский сборник, взятый из Историко-филологического вестника и Вестника Императорской академии наук в Санкт-Петербурге]. – St.-Petersbourg, 1860. – Т. IV. (In French and German.)
- Pallas 1831a – *Pallas P.S.* Zoographia Rosso-Asiatica. – Petropoli, 1831/MDCCCXXXI. – Vol. I. (In Latin.)
- Pallas 1831b – *Pallas P.S.* Zoographia Rosso-Asiatica. – Petropoli, 1831/MDCCCXXXI. – Vol. II. (In Latin.)
- Pictet 1877 – *Pictet A.* Les origines indo-européennes ou les Aryas primitifs. Essai de paléontologie linguistique [Происхождение индоевропейцев или первоначальных ариев. Очерк по лингвистической палеонтологии]. – Paris, 1877. – Т. II. (In French.)
- Radde 1862 – *Radde G.* Reisen im Süden von Ost-Sibirien in den Jahren 1855–1859 incl. [Поездки по югу Восточной Сибири 1855–1859 гг. включ.]. – St. Petersburg, 1862. (In German.)
- Radloff 1862 – *Radloff W.* Briefe aus dem Altai // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland / Herausgegeben von A. Erman. – Berlin, 1862. – Band XXI. – I. Tafel. – II. Theil. – S. 179–223. (In German.)
- Radloff 1866 – *Radloff W.* Die Sprachen der Türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der Dsungarischen steppe. I. Abtheilung: Proben der Volkslitteratur. Übersetzung. III. Theil [Языки тюркского происхождения Южной Сибири и Джунгарской степи. Раздел I: Образцы народной литературы. Перевод. Часть III]. – Sankt Petersburg, 1866. (In German.)
- Radloff 1870 – *Radloff W.* Proben der Volkslitteratur der nördlichen türkischen Stämme. III. Theil. Kirgisische mundarten [Образцы народной литературы северных тюркских племен. Часть III. Киргизские диалекты]. – Sankt Petersburg, 1870.
- Richthofen 1877 – *Richthofen F.* China: Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien [Китай: Результаты собственных путешествий и основанные на них исследования]. – Berlin, 1877.
- Schmidt 1829 – *Chungtaidschi, Ssanang Ssetsen.* Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordu [История Восточной Монголии и ее княжеских домов, составлено Санангом Сэцэном Хунтайджи Ордосским] / aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Issac Jacob Schmidt <...>. – St. Petersburg–Leipzig, 1829. (In German.)
- Schrenk 1848 – *Schrenk A.G.* Reise nach dem Nordosten der europäischen Russlands, durch die Tundren der Samojedien, zum Arktischen Uragebirge. I. Theil. Historischer Bericht [Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к Северным Уральским горам. Часть I. Исторический очерк]. – Dorpat, 1848. (In German and Latin.)

- Schrenk 1854 – *Schrenk A.G.* Reise nach dem Nordosten der europäischen Russlands, durch die Tundren der Samojuden, zum Arktischen Uralgebirge. II. Theil. Wissenschaftliche Beilagen [Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к Северным Уральским горам. Часть II. Научные дополнения]. – Dorpat, 1854. (In German and Latin.)
- Veckenstedt 1880 – *Veckenstedt E.* Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche [Вендские сказания, сказки и суеверные обычаи]. – Graz, 1880. (In German.)